

XLII.

КИШИНЕВСКАЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№№ 25 и 26.

Воскресенье, 21 и 28 июня.

1909.

КИШИНЕВЪ.

Епархiальная типографiя.
Харалампiевская ул., д. № 42.

СОДЕРЖАНИЕ №№ 25 и 26.

Отдѣль официальный.

1. Распоряженія Епархіального Начальства.—2. Епархіальныя извѣстія.—3. Отъ докладной комиссіи по дѣламъ, подлежащимъ обсужденію епархіальныхъ сѣздовъ духовенства Кишиневской епархіи. (Страницы 193—200).

Отдѣль неофициальный.

1. Задачи Бессарабскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества.—2. С. Наславца Сорокесскаго уѣзда.—3. Письмо архіепископа Кишиневскаго Антонія Шокотова къ архимандриту Поренію Карабиневичу.—4. «Наша жизнь пел рлавчина».—5. Рѣчь члена Государственной Думы о. Николая Генецкаго по старообрядческому вопросу.—6. Главныя проблемы этики въ философскомъ ихъ освѣщеніи.—7. Двухстолѣтіе Полтавской битвы.—8. Епархіальная хроника.—9. Иноепархіальная хроника церковно-общественной жизни.—10. Извѣстія и замѣтки. (Страницы 1003—1080).

При этомъ № прилагается приложение къ листовкамъ Христо-Рожд. Братства № 46 и въ приложеніи отчетъ Измаильскаго духовнаго училища за 1908 годъ.

**Цѣна годовому издацію 6 руб. съ пересылкою,
а за мѣсяць 50 коп.**

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1-й разъ за страницу 3 р., $\frac{1}{2}$ стр. $1\frac{1}{2}$ р., $\frac{1}{4}$ стр. 75 к., 2-й и послѣдующіе разы за стр. 2 р., $\frac{1}{2}$ стр. 1 р., $\frac{1}{4}$ стр. 50 к. Въ полгода за страницу взимается 40 руб., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 р., за $\frac{1}{4}$ стр. 10 р.; въ годъ за страницу 75 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 37 р. 50 к., за $\frac{1}{4}$ стр. 18 р. 75 к.

ПОДПИСКА

принимается у о.о. благочинныхъ епархіи и въ Редакціи «Кишинев. Еп. Вѣдомостей», въ Кишиневѣ, Нѣмецкая ул., № 15.

О.о. благочинные, при отсылкѣ въ Редакцію подписныхъ денегъ за цѣлымъ своимъ округъ, благоволятъ прилагать и адреса подписчиковъ.

За перемѣну адреса, послѣ подписки, взимается Редакціей дополнительная плата въ 25 коп.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною (по крайней мѣрѣ, для свѣдѣнія Редакціи) подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются иногда сокращеніямъ и исправленіямъ. Статьи, присланныя безъ указанія о гонорарѣ, считаются бесплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если будутъ присланы марки на пересылку; невостребованныя же, въ теченіе года, уничтожаются.

1909 годъ.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Юня 21 и 28.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

**Преподается благословеніе Святѣйшаго Синода съ гра-
мотой:**

Обществу поселянъ с. *Думбровицы*, Бѣлецкаго уѣзда, за пожертвованіе ими на постройку мѣстнаго храма; обществу прихожанъ с. *Гиждево*, Хотинскаго уѣзда, за пожертвованіе ими на ремонтъ и благоуукрашеніе своего приходскаго храма; обществу прихожанъ с. *Погочень*, Бендерскаго уѣзда, за пожертвованіе, сдѣланное ими на ремонтъ мѣстнаго храма; тайному со-
вѣтнику Михаилу Андреевичу *Лишину* за значительное по-
жертвованіе, сдѣланное имъ на нужды церквей с. с. *Бричаны* и *Рестео-Атакъ*; обществу церкви с. *Никорень*, Бѣлецкаго уѣзда, за пожертвованіе, сдѣланное ими на ремонтъ своего храма; обществу поселянъ с. *Карамашметъ*, Измаильскаго уѣзда, за пожертвованіе на ремонтъ приходскаго храма; прихожанамъ церкви с. *Каларашъ*, Оргѣвскаго уѣзда, за пожертвованіе на ремонтъ своего приходскаго храма; обществу прихожанъ с. *Трушенъ*, Кишиневскаго уѣзда, за вниманіе и заботливость ихъ о нуждахъ своего храма; обществу с. *Загайканъ*, Оргѣвскаго уѣзда, за за-
ботливость о нуждахъ своего приходскаго храма; обществу при-
хожанъ с. *Цыплештъ*, Бѣлецкаго уѣзда, за пожертвованіе, сдѣ-
ланное ими на постройку мѣстнаго храма; обществу прихожанъ с. *Бардарь*, Кишиневскаго уѣзда, за пожертвованіе на ремонтъ мѣстнаго храма и классному чиновнику Кишиневской почтово-

телеграфной конторы *Теодору Журьяри* за усердныя заботы его по изысканію средствъ на благоустройство Архангело-Михаиловской церкви г. Кишинева.

Преподается Архипастырское благословеніе:

а) съ выдачею грамотъ:

Псаломщику церкви с. Дрепкауць, Хотинскаго уѣзда, Енисею *Лемни* за пожертвованіе имъ на ремонтъ Кагульской единовѣрческой церкви 300 руб.; Кишиневской мѣщанкѣ *Гликеріи Рубановой* за пожертвованіе въ пользу Рышкановской г. Кишинева церкви иконы Спасителя въ кіотѣ стоимостью въ 110 руб.; обществу поселянъ с. Семеновки, Аккерманскаго уѣзда, за пожертвованіе для своего приходскаго храма разныхъ церковныхъ вещей на сумму 1077 руб., и почетному гражданину Ивану *Батрыняку* за пожертвованіе имъ на постройку церкви с. Цыплешть, Бѣлецкаго уѣзда, и на приобрѣтеніе утвари для той же церкви 220 руб.

в) Письмо.мъ:

Бендерскому уѣздному предводителю дворянства, дворянину *Теодору Дмитріевичу Крупенскому* за пожертвованіе имъ для ограды церкви предмѣстія г. Кишинева Рышкановки желѣзныхъ рѣшетчатыхъ воротъ съ таковою же калиткою стоимостью въ 165 рублей.

Объявляется благодарность Епархіальнаго Начальства:

Прихожанину церкви с. Димитріевки, Измаильскаго уѣзда, церковному старостѣ *Георгію Златину*, сыну его *Георгію Златину* за пожертвованіе ими для своего приходскаго храма иконы, стоимостью въ 88 руб.; прихожанкѣ того же села *Маріи Златинъ* за пожертвованіе двухъ хоругвей, цѣною въ 85 руб.; кишиневскимъ мѣщанамъ *Димитрію* и *Георгію Армашашъ* за пожертвованіе въ пользу церкви с. Кайнаръ, Бендерскаго уѣзда, двухъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, стоимостью въ 57 руб.; помощнику правителя канцеляріи губернатора *Варѣоломею Василіеву Датій* за пожертвованіе имъ 25 руб. на устройство наружныхъ дверей при Рышкановской г. Кишинева церкви; прихожанамъ церкви села *Нишқанъ*, Оргѣвскаго уѣзда, за приобрѣтеніе ими

полнаго облаченія для мѣстнаго причта—священника и діакона, стоимостью въ 125 р., а также діакону мѣстной церкви Симеону *Гачкевичу* за расположеніе прихожанъ къ таковой жертвѣ; прихожанамъ церкви с. Парканъ, Оргѣвскаго уѣзда, за пожертвованіе ими 180 р. на постройку церковной сторожки и мѣстному священнику Димитрію *Мунтяну* за расположеніе своихъ прихожанъ къ означенному пожертвованію; обществу прихожанъ с. Михулень, Оргѣвскаго уѣзда, за приобрѣтеніе ими для своей церкви серебряныхъ 84-й пробы потира и дискаса съ приборомъ на сумму 125 руб.; псаломщику того же села Георгію *Новицкому* за приобрѣтеніе имъ бронзовой дарохранительницы, стоимостью въ 70 руб.; а также священнику села Михулень Димитрію *Тутованъ* за расположеніе своихъ прихожанъ къ такому пожертвованіямъ; потомственной почетной гражданкѣ Александрѣ *Ивановой* за приобрѣтеніе ею для Александро-Невской церкви, что при Костюженской психіатрической лечебницѣ, двухъ стихарей, стоимостью въ 24 рубля; смотрителю означенной лечебницы Димитрію *Сариоше* за пожертвованіе для той же церкви иконы св. Іоанна-воина, стоимостью въ 50 руб.; жительницѣ г. Кишинева, дворянкѣ Ксеніи *Балтагъ* за пожертвованіе для той же церкви иконы св. Михаила и Ксеніи, стоимостью въ 50 руб.; священнику с. Загайканъ, Бѣлецкаго уѣзда, Симеону *Драганчулу* за пожертвованіе для той же церкви полнаго священническаго облаченія стоимостью въ 70 руб.; поселянину села Бачой, Кишин. уѣзда, Григорію *Гологану* за приобрѣтеніе имъ для той же церкви при лечебницѣ иконы св. Серафима Саровскаго, стоимостью въ 55 р., и учительницѣ мѣстной церковной школы Маріи *Челанъ* за приобрѣтеніе церковныхъ вещей на сумму 25 рублей, собранныхъ среди служащихъ лечебницы усердіемъ Г—жи Челанъ; прихожанкѣ церкви с. Кондратештъ, Бѣлецкаго уѣзда, Аннѣ *Бурулянъ* за приобрѣтеніе ею на собственные средства для мѣстной церкви напрестольнаго креста, цѣною въ 80 руб.; прихожанамъ церкви с. Цыплештъ, Бѣлецкаго уѣзда, Максиму *Барладяну* за пожертвованіе для своей церкви подсвѣчника, цѣною въ 40 руб.;—Василію *Барладяну* за по-

жертвованіе семисвѣчника, цѣною въ 77 руб.; Василию *Фасоль* за пожертвованіе лампадки цѣною въ 13 руб.; Георгію *Сыльникову* за пожертвованіе лампадки цѣною въ 10 руб.; Димитрію *Фрумусанію* за пожертвованіе гробницы, цѣною въ 62 руб.; женѣ мѣстнаго псаломщика Маріи *Муцинской* за приобрѣтеніе подсвѣчника, цѣною въ 28 руб.; женѣ псаломщика села Аснашанъ, Бѣлецкаго уѣзда, Вѣрѣ *Заватъ* за приобрѣтеніе для Цыплештской церкви подсвѣчника и лампы, цѣною въ 41 руб. и царанину с. Правила, того же уѣзда, Θεодору *Пысларашу* за приобрѣтеніе для той же церкви подсвѣчника и лампы, цѣною въ 14 руб.; прихожанкамъ единовѣрческой церкви г. Измаила Катеринѣ *Бараковской*, Пелагійи *Цареградской*, Анисіи *Душаковой*, Аннѣ *Нестеровой*, Маріи *Голинской* и Елизаветѣ *Каданцевой* за приобрѣтеніе ими на собранныя по подписному листу деньги для мѣстной церкви иконы св. женѣ мироносицѣ съ подсвѣникомъ къ ней и священническаго облаченія, всего на сумму 85 рублей.

НАЗНАЧЕНІЕ.

Выдержав. экзаменъ на званіе псаломщика Иванъ Спынулъ назначается и. д. псал. къ ц. с. Дануценъ, Бѣлецкаго уѣзда (27 мая).

Выдержав. экзаменъ на званіе псаломщика Василій Развановъ назначается и. д. псалом. къ ц. с. Росошанъ, Хотин. у. (29 мая).

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Псаломщикъ Свято-Георгіевской г. Кишинева церкви *Лукьяновъ* опредѣляется діакономъ къ той же церкви съ оставленіемъ на псаломщической вакансіи (27 мая).

УТВЕРЖДЕНІЯ ВЪ ДОЛЖНОСТИ.

Священникъ Церкви с. Шолданештъ, Оргѣвскаго уѣзда, Владимиръ *Поляковъ* утверждается въ должности законоучителя въ мѣстномъ министерскомъ училищѣ (9 іюня).

И. д. псаломщика при ц. с. Чичмы, Измаильскаго у., Пароеній Центюль утверждается (27 мая).

И. д. псалом. при ц. с. Борисовки, Измаильскаго у., Македоній Комендантъ утверждается (3 іюня).

И. д. псалом. при ц. с. Пуркаръ, Аккерм. у., Николай Гобжила утверждается (9 іюня).

УВОЛЬНЕНІЯ.

Псаломщикъ ц. с. Дануцень, Бѣлец. у., Илія Спынулъ увольняется согласно прошенію за штатъ (27 мая).

Сверхштатный псалом. ц. с. Батыря, Бендер. у., Димитрій Харгія согласно прошенію увольняется за штатъ (4 іюня).

II.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

а) Священническія.

С. Точены, Измаильск. у., 245 д. м. п., 16 фалечъ и 60 пражинъ земл. и 300 р. казеннаго жал. (съ 27 ноября).

С. Минчены, Оргѣвскаго уѣзда, 202 д. м. п., 33 дес. земли и 300 руб. каз. жалованія, церковный домъ (13 марта).

С. Копкуй, Бендерскаго уѣзда, 340 д. м. п., 13 дес. земли и 300 р. каз. жалованья; дома нѣтъ.

С. Глинное, 5 округа Хотинскаго уѣзда, 717 д. м. п., 33 дес. земли (съ 22 мая).

С. Макаровка, Сороксккаго уѣзда, 969 д. м. п., 33 дес. земли и 300 руб. каз. жалованія и церков. домъ (съ 23 мая).

С. Стольничены, Кишиневскаго уѣзда, 580 д. м. п., 33 дес. земли и 300 р. каз. жалованія, домъ церковный (съ 23 мая).

При церкви Таборскаго женскаго скита (съ 22 мая).

С. Александровка, 4-го округа Аккерманскаго уѣзда, 1194 д. м. п., 124 д. земли и 750 р. общ. жалованія; домъ общественный, ветхій и неудобный (съ 30 мая).

С. Валенъ-Исакова, 5 округа Оргѣвскаго уѣзда, 459 д. м. п. и 42 д. земли, дома нѣтъ (съ 30 мая).

б) Діаконскія.

При Оргѣвскомъ соборѣ и 2 мужской г. Кишинева гимназіи,

в) Псаломщическія.

Аккерман. у.: с. Кальчево.

Бендер. у.: с. Бештемакъ, с. Заимъ, м. Комратъ.

Бѣлец. у.: с. Теревна.

Изм. у.: Баурчи, Молдовень, при Св. Николаевской церкви
г. Болграда.

При Рождество-Богородицкой церкви г. Кишинева.

Кишинев. у.: села Балчаны, Мирены и Лопушна.

Оргѣв. у.: с. Корново и с. Цибирика.

Сорок. у.: с. Боксаны.

Хотин. у.: с. Должокъ.

III.

Отъ докладной комиссіи по дѣламъ, подлежащимъ обсужденію епархіал. съѣздовъ духовенства Кишинев. епархіи

Докладная комиссія по дѣламъ, подлежащимъ обсужденію епархіальныхъ съѣздовъ духовенства Кишиневской епархіи, имѣетъ долгъ почтительнѣйше довести до свѣдѣнія подлежащихъ духовныхъ учреждений и должностныхъ лицъ Кишиневской епархіи и, въ чемъ слѣдуетъ, къ должному исполненію нижеслѣдующее:

1. Общеeparхіальный съѣздъ депутатовъ отъ духовенства Кишиневской епархіи въ журнальномъ постановленіи своемъ, отъ 21 сентября 1907 года за № 9, изложилъ слѣдующее:

«Общепархіальной съѣздъ духовенства Кишиневской епархіи въ засѣданіи своемъ, сего числа состоявшемся, заслушалъ преложеніе о. предсѣдателя съѣзда объ учрежденіи «докладной комиссіи» для подготовительныхъ работъ къ предстоящимъ епархіальнымъ съѣздамъ и для наблюденія за приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ постановленій съѣздовъ. Опытъ показываетъ, что засѣданія съѣздовъ часто затягиваются очень долго вслѣдствіе того, что многія дѣла получаютъ во время сессіи: часто даже учрежденія представляютъ свои доклады и отчеты не къ началу сессіи, а во время таковой. Ознакомленіе съ поступившими дѣлами, собраніе справокъ и пр. отнимаетъ у съѣздовъ часто непроизводительно много времени. Для устраненія этого явленія съѣздъ постановилъ: 1) Учредить въ г. Кишиневѣ «докладную комиссію» изъ мѣстныхъ священниковъ, избираемыхъ на 3 года. 2) На обязанность комиссіи возложить: а) наблюденіе за исполненіемъ постановленій съѣздовъ; б) собраніе отъ учреждений и лицъ докладовъ, отчетовъ, прошеній, справокъ по нимъ и представленіе мотивированныхъ докладовъ по симъ дѣламъ епархіальному съѣзду. 3) Всѣ учрежденія, имѣющія отношеніе къ епархіальному

съѣзду, обязываются представлять свои отчеты, доклады и пр. въ «докладную комиссію» не позже мѣсяца до открытія сессіи епархіальнаго съѣзда. 4) Частныя лица, имѣющія отношеніе къ съѣзду, представляютъ свои ходатайства въ комиссію не позже недѣли до начала сессіи съѣзда. 5) Съ началомъ сессіи съѣзда «докладная комиссія» прекращаетъ приемъ бумагъ и дѣлъ; таковыя направляются чрезъ епархіальнаго Преосвященнаго въ съѣздъ. 6) Въ «докладную комиссію» избрать слѣдующихъ священниковъ г. Кишинева: о.о Константина Паревьева, Василя Гобжилу, Іоанна Бивола и Іоанна Шуку. О чемъ и составленъ настоящій журналъ для представленія на Архипастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе».

На приведенномъ постановленіи епархіальнаго съѣзда послѣдовала резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Владимира, Епископа Кишиневскаго и Хотинскаго, отъ 24 сентября 1907 г., за № 5326, слѣдующая: — «Утверждается. Еп. Владимиръ».

По заслушаніи сего постановленія «докладная комиссія» отъ 29 апрѣля 1908 г. постановила и Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Епископъ Владимиръ утвердилъ: «а) изложенное постановленіе епархіальнаго съѣзда объ учрежденіи «докладной комиссіи» по дѣламъ, подлежащимъ обѣужденію епархіальныхъ съѣздовъ, и о назначеніи указанныхъ въ журналѣ съѣзда членовъ сей комиссіи принять къ свѣдѣнію и, въ чемъ слѣдуетъ, должному исполненію; б) по предмету указанной съѣздомъ обязанности «докладной комиссіи» наблюдать за исполненіемъ постановленій епархіальныхъ съѣздовъ» — признать необходимымъ слѣдующее: 1) исполненіе постановленій о возбужденіи тѣхъ или иныхъ ходатайствъ предъ высшею духовною властью и о веденіи переписки съ разными учрежденіями считать на обязанности тѣхъ учрежденій, по дѣламъ которыхъ необходимо то или иное ходатайство или переписка; 2) исполненіе постановленій съѣздовъ обязательно для учрежденій и лицъ, которыхъ они касаются, со времени опубликованія постановленій съѣздовъ чрезъ напечатаніе въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ; 3) учрежденія и лица, на обязанности которыхъ лежитъ возбужденіе тѣхъ или иныхъ ходатайствъ и переписка по постановленіямъ епархіальныхъ съѣздовъ, обязаны это сдѣлать не позже мѣсяца со времени опубликованія постановленій епархіальныхъ съѣздовъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и, по возбужденіи таковыхъ ходатайствъ и переписки, *должны сообщать докладной комиссіи о времени исполненія постановленій съѣздовъ* и равно о результатахъ по возбужденнымъ ходатай-

ствамъ и перепискѣ, для свѣдѣнія комиссіи и для доклада епархіальнымъ създамъ».

На основаніи изложеннаго, докладная комиссія, для свѣдѣнія и должнаго исполненія подлежащихъ духовныхъ учреждений и должностныхъ лицъ Кишиневской епархіи, считаетъ долгомъ поставить въ извѣстность о нижеслѣдующемъ:

1) Учрежденія и лица, представляющія отчеты, доклады, смѣты, прошенія и другія бумаги на разсмотрѣніе епархіальнаго създа, должны представить таковыя въ «докладную комиссію» отнюдь *не позже мѣсяца* до открытія сессіи епархіальнаго създа, при этомъ, непременно, съ подробными по каждому ходатайству *справками* и мотивированными данными (изъ постановленій създовъ, изъ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній, изъ опредѣленій Св. Синода и проч.).

2) Частныя лица, имѣющія отношенія къ създу, должны представить свои ходатайства въ «докладную комиссію» не позже недѣли до начала сессіи създа.

3) Съ началомъ сессіи създа «докладная комиссія» прекращаетъ приемъ бумагъ и дѣлъ; таковыя направляются чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго въ създъ; но такъ какъ бумаги, поступающія на разсмотрѣніе създа во время самой сессіи, крайне затрудняютъ работы създа необходимостью собиранія справокъ по симъ бумагамъ, то какъ учреждениямъ и должностнымъ лицамъ, такъ и частнымъ лицамъ, слѣдуетъ, по возможности, точно придерживаться указаннаго опредѣленія създа о представленіи бумагъ въ «докладную комиссію» въ указанныя сроки до начала сессіи създа.

4) Такъ какъ на обязанности докладной комиссіи лежитъ наблюденіе за исполненіемъ постановленій създовъ, особенно тѣхъ, по которымъ надлежитъ возбужденіе ходатайствъ, и докладъ о результатахъ возбужденныхъ ходатайствъ епархіальнымъ създамъ для свѣдѣнія, то докладная комиссія проситъ Совѣты и Правленія духовно-учебныхъ заведеній и епархіальныя учреждения о результатахъ по возбужденнымъ ходатайствамъ и перепискѣ, по тѣмъ или другимъ постановленіямъ епархіальныхъ създовъ, *непремѣнно* сообщить докладной комиссіи для доклада епархіальному Създу.

1909 годъ. ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ. Іюня 21 и 28.

Задачи Бессарабскаго Церковнаго Историко-археологическаго Общества.

Пятый годъ уже существуетъ Бессарабское Церковное Историко-археологическое общество, но особеннаго оживленія въ дѣятельности его не видно. Я разумѣю расширение рамокъ дѣятельности общества и увеличеніе числа лицъ, дѣятельно интересующихся церковной стариной Бессарабіи. Конечно, какъ видно изъ отчета общества за 1908 годъ, интересъ къ дѣлу въ главныхъ представителяхъ общества и въ членахъ Совѣта его не ослабѣлъ, но нельзя сказать, чтобы старшее поколѣніе тружениковъ общества успѣло привлечь къ занятіямъ церковной археологіей младшее поколѣніе. Попытка въ этомъ родѣ, сдѣланная мною въ 1907 году, когда я привлекъ къ участию въ занятіяхъ общества одного даровитаго и очень интересующагося церковной стариной воспитанника семинаріи, не дала положительнаго результата, такъ какъ предположенная мною въ 1907 году экскурсія воспитанниковъ семинаріи на сѣверъ Бессарабіи для посѣщенія пещерныхъ храмовъ по Днѣстру не осуществилась. Теперь, когда сѣздъ духовенства отпустилъ деньги для экскурсій семинаристовъ, было бы очень благовременно направить вниманіе воспитанниковъ семинаріи къ достопримѣчательностямъ родныхъ палестинъ.

Что Бессарабія въ церковно-историческомъ отношеніи весьма и весьма интересна и нуждается въ серьезномъ изслѣдованіи, потому что многіе отдѣлы родиновѣдѣнія нуждаются въ должномъ освѣщеніи и исправленіи,—это можно видѣть даже изъ

бѣлаго знакомства съ тѣмъ, что напечатано о Бессарабіи. Конечно, мы здѣсь не претендуемъ на полноту освѣщенія и совершенную доказательность въ истолкованіи данныхъ матеріаловъ. Правильно освѣтить событія, лица, имена, годы—это лежитъ на обязанности всѣхъ тѣхъ лицъ археологическаго общества, которымъ это будетъ наиболѣе доступно, въ виду накопленія у нихъ историко-археологическихъ матеріаловъ. Мы же лишь только, чтобы не быть голословными, возьмемъ для примѣра новѣйшіе труды по исторіи и географіи Бессарабіи и посмотримъ, насколько мы справедливо судимъ о присутствіи ошибокъ, вкравшихся въ труды прежнихъ изслѣдователей Бессарабіи.

По исторіи Бессарабіи позднѣйшимъ и наиболѣе виднымъ трудомъ считается «Бессарабія», изданная Помпеемъ Николаевичемъ Батюшковымъ, главная часть которой («Историческій очеркъ Бессарабіи») составлена профессоромъ Кіевской духовной академіи Н. И. Петровымъ. Трудъ изданъ въ 1892-мъ году. По топографіи же Бессарабіи довольно виднымъ трудомъ нужно считать не такъ давно (въ 1892 году) изданные бывшимъ преподавателемъ Кишиневской дух. семинаріи Авксентіемъ Сталницкимъ (нынѣ Псковскимъ архіеп. Арсеніемъ, ревностнѣйшимъ изслѣдователемъ исторіи родной ему Бессарабіи, церковной исторіи Молдавіи и Валахіи): «Матеріалы для исторіи Бессарабіи», содержащіе въ себѣ «Записки секундъ-маіора фонъ Раана», относящіяся къ прошлому столѣтію, снабженныя топографическими указаніями въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ издателемъ этихъ записокъ.

Отъ перваго труда остается желать, главнымъ образомъ, большей полноты; но есть и прямые промахи. Второй трудъ довольно богатъ промахами, стоящими въ зависимости отъ состоянія науки родиновѣдѣнія.

Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ 27-й страницы почтеннаго труда Петрова «Бессарабія»: «Въ 907 году тиверцы участвуютъ въ походѣ Олега на Царь-градъ въ качествѣ «толковинъ», т. е. союзниковъ. Преемникъ Олега Игорь покорилъ уличей (читай «угличей») и, обложивъ ихъ данью, отдалъ эту дань воеводѣ своему Свѣнтельду. «И не дался ему городъ, по имени Пересѣ-

чень, и сидѣль около него три лѣта и едва взялъ его». Названіе же этого города доселѣ сохранилось въ названіи селенія Пересѣчина Оргѣвскаго уѣзда». Почтенный профессоръ въ означенной выдержкѣ дѣлаетъ три ошибки: 1, придаетъ невѣрный смыслъ слову «толковинъ»; 2, полагаетъ, что уже въ 914-мъ году, когда Свѣнтельдъ осаждалъ г. Пересѣчень, угличи сидѣли по Днѣстру; 3, сближаетъ г. Пересѣчень угличей, осаждаемый нѣкогда Свѣнтельдомъ, съ селомъ Пересѣчиной Оргѣвскаго уѣзда.

Что тиверцы названы въ лѣтописи (на которую ссылается г. Петровъ) толковинами не въ смыслѣ симпатичнаго «союзникъ», а въ другомъ, скорѣе дурномъ, нежели хорошемъ смыслѣ, можно заключить уже на основаніи «Слова о полку Игоревѣ»,— изъ того мѣста «Слова», гдѣ передается дурной сонъ Святослава, великаго князя Кіевскаго. «Сыпахуть ми, говорилъ онъ, тѣщими тулы *поганыхъ* тѣлковинъ великій женьчюгъ на лоно», т. е., «сыплютъ мнѣ на грудь изъ пустыхъ колчановъ гадкихъ толковинъ (очевидно, половцевъ) крупный жемчугъ». Если половцы, какъ и тиверцы въ лѣтописи, названы толковинами, то вѣрнѣе всего потому, что и тѣ и другіе жили «толокою», *по пованьемъ* по степи, почему и самый терминъ «толока», сохранившійся у малороссовъ по настоящее время, означаетъ у нихъ *поле*, оставшееся невоздѣланнымъ, пущенное подъ пастбу домашняго скота. Толочники или «толковины», такимъ образомъ,— суть кочевники или *степняки*, а не союзники, какъ понимаетъ г. Петровъ.—Пересѣчень, о которомъ въ лѣтописи говорится подъ 914 годомъ (въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, спискахъ подъ 913 и даже 912 г.г.) и который г. Петровъ сближаетъ съ нынѣшней Пересѣчиной Оргѣвскаго уѣзда, конечно, былъ не на Днѣстрѣ, потому что лѣтописецъ тутъ же прямо заявляетъ, что до того времени «бѣша угличи по Днѣпру внизъ; и *по еемъ* придоша межѣ Богъ и Днѣстръ и сѣдоша тамо» (см. Новг. первую лѣтопись подъ 6430 г.). Угличи, сидѣвшіе, такимъ образомъ, не только по рѣкѣ Углу или Орели, притокѣ Днѣпра, но и внизъ по Днѣпру, могли имѣть свой хорошо укрѣпленный городъ Пересѣчень

въ такомъ недоступномъ мѣстѣ Днѣпра, что Свѣнтельду пришлось три года сидѣть съ осадою возлѣ этого города. Это даетъ основаніе думать, что не въ Пересѣчинѣ Оргѣевского уѣзда на Днѣстрѣ сохранилась по традиціи память о Пересѣченѣ угличей, а въ Сѣчи запорожской, основавшейся и часто мѣнявшей мѣсто на Днѣпрѣ, крѣпко хранившей традицію не легко побѣдимого города.

Топографическія данныя, заключающіяся въ «Запискахъ фонъ-Раана», изъясненныя въ примѣчаніяхъ къ нимъ, по мѣстамъ гораздо болѣе затемняютъ, чѣмъ выясняютъ текстъ какъ вслѣдствіе того, что авторъ пользовался пособіями, нуждающимися въ критической провѣркѣ ихъ, такъ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, проистекавшихъ отъ невѣрнаго истолкованія текста записокъ фонъ-Раана. Къ послѣдняго рода недоразумѣніямъ мы относимъ примѣчаніе 4-ое, которое такъ читается: «*Райскою*» странною составитель нашихъ «записокъ» называетъ, вѣроятно, не только мѣстности, сосѣднія съ Германомъ, но и *всю* почти мѣстности Бессарабіи и Молдавіи, которыя, дѣйствительно, щедро награждены природою во всѣхъ отношеніяхъ». Это примѣчаніе—къ «запискамъ» фонъ-Раана даетъ такое толкованіе тексту, будто фонъ-Раанъ считалъ *всю* Бессарабію и Молдавію *райскою*. Оно основано на случайномъ сходствѣ двухъ различныхъ по смыслу словъ: «райскій» въ смыслѣ «такой хорошей, какъ въ раю», т. е., прекрасный, и «райскій» въ смыслѣ жителей области или страны «Райя». Раанъ говоритъ въ своихъ запискахъ о деревнѣ Ажиръ, что она лежитъ въ «*райской* странѣ», т. е., въ странѣ, Райя, гдѣ «Прутъ съ журчаніемъ бѣжитъ въ безчисленныхъ извилинахъ своихъ береговъ, которые всегда покрыты частымъ кустарникомъ»... а составителю примѣчаній показалось, что здѣсь говорится о райскихъ прелестяхъ Бессарабіи и Молдавіи. Однако, мы настаиваемъ на томъ, что не всю Бессарабію и Молдавію фонъ-Раанъ называлъ *райскою*, а только сѣверныя ихъ части, верховья Днѣстра и Прута, гдѣ живутъ «райяне» или «райки» (малороссы—руснаки), обитатели «Хотин-

ской Райи»,—области, такъ называемой потому, что она была *христіанскою* провинціею Турціи.

Есть промахи, объясняемая довѣрчивымъ отношеніемъ автора къ трудамъ другихъ писателей, на которыхъ онъ ссылается. Такъ, напр., издатель «записокъ» ссылается довольно часто на корреспонденцію г. Стамати, напечатанную во 2-мъ томѣ «Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей (отд. 2 и 3, стр. 815), которая совсѣмъ не заслуживаетъ такого вниманія и довѣрія. Возьмемъ для примѣра примѣчаніе 51-е. Въ немъ объясняется названіе городка Новоселица, упоминаемаго въ «запискахъ» Раана. Въ объясненіе этого названія приводится выдержка изъ корреспонденціи г. Стамати, гдѣ Новоселица объясняется, какъ Ноу-сулица». «Имя Сулица обратило мое вниманіе, говоритъ Стамати, на исторіокритика Шлецера, который полагаетъ, что угличи и суличи суть жители рѣчки Сулы, называемой прежде Углъ и впадающей въ Днѣпръ; древній русскій лѣтописатель говоритъ, что сіи уличи и угличи сидѣли внизъ по Днѣпру, а въ X-мъ столѣтіи перешли Днѣстръ и поселились тамъ, т. е. въ Бессарабіи, и быть можетъ тамъ, гдѣ теперь Ново-сулица»... Отожествленіе р. Угла съ р. Сулою—грубая ошибка. Въ лѣтописяхъ подъ 1152 г. говорится, что «Мстиславъ побѣди Половцы на Углѣ и на Самарѣ», т. е. Уголь полагается возлѣ р. Самары (притока Днѣпра съ лѣвой стороны); а подъ 1183 г. въ лѣтописяхъ прямо сказано, что русскіе, перебрѣдши на ратную (лѣвую) сторону Днѣпра, искали пять дней половцевъ и остановились на р. Ерель, мѣсто, «его же Руссы зоветъ Уголь». А такъ какъ возлѣ р. Самары и теперь еще течетъ р. Орель (въ просторѣчій), очевидно, тожественная съ р. Ерель, то отожествленіе Угла съ Сулою—грубая ошибка («Записки Имп. Одес. Общ. исторіи и древностей, т. X-й, ст. «Опытъ изслѣдованія о Куманяхъ или половцахъ», стр. 122). Г. Стамати, а за нимъ и издатель «матеріаловъ для исторіи Бессарабіи», конечно, не поправили ошибки исторіографа Шлецера, который смѣшиваетъ двѣ разныя рѣки: Сулу и Уголь или Ерель, обозначенную на нынѣшнихъ картахъ подъ именемъ *Орель* (ошибочно), впадаю-

щую въ Днѣпръ съ лѣвой стороны немного выше (сѣвернѣе) рѣчки Самары.

Такъ же, безъ критики, издатель записокъ фонъ-Раана относится къ другому объясненію г. Стамати, касательно названія мѣстечка «Липчаны», упоминаемаго у Раана, хотя потомъ почему-то признаетъ вопросъ о липчанахъ неразрѣшеннымъ въ наукѣ, между тѣмъ какъ положительное (научное) рѣшеніе вопроса дано въ томъ же 2-мъ томѣ «Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей», гдѣ помѣщена и цитируемая издателемъ «записокъ» корреспонденція г. Стамати.

«Мѣстечко Липканы, повторяетъ слова г. Стамати издатель «записокъ» въ прим. 55-мъ, было назначено для татарскихъ липканъ, переселившихся, какъ Кантемиръ говоритъ, изъ Липканіи (гдѣ она была?) во время султана Мухаммеда IV *), которые служили также курьерами Хотинскому пашѣ и молдавскому князю для скорыхъ сообщений съ Стамбуломъ въ военныхъ случаяхъ. Г. Когольничанъ говоритъ, что сіи липканы служили также курьерами молдавскимъ и валахскимъ князьямъ во время независимости сихъ княжествъ и что они были родомъ литвяки, а не татары. Впрочемъ, это невѣроятно, ибо Кантемиръ лучше многихъ зналъ исторію Оттоманской Имперіи, слѣдовательно, не могъ ошибиться». Чтобы провѣрить, насколько справедливы мнѣнія Кантемира, Когольничана и самого Стамати, достаточно было составителю примѣчаній просмотрѣть во 2-мъ же томѣ «Записокъ Одеск. Общ. исторіи и древностей»---«Статейный списокъ Великаго Государя Его Царскаго Величества, посланниковъ: Стольника Василя Михайлова Тяпкина, дьяка Никиты Зотова къ Крымскому хану Мурадъ-Гирею въ 1681 году». Тамъ, въ этомъ «статейномъ спискѣ» на стр. 646-й можно читать объ одномъ губернаторѣ надъ Днѣпровскими городами Янѣ Муравскомъ, что онъ былъ «родомъ литовской татаринъ, которые татарова у Полшѣ зовутца Липками». Изъ карты же Польши Rizzizannoni (1772 г.) № 23 видно, что липскіе татары кочевали

*) Мухаммедъ IV-й вступилъ на престолъ Константинопольскій въ 1648 году.

между рѣками Прутомъ и Днѣстромъ (ibid.—см. примѣч.). Мы все обращаемъ вниманіе на промахи, касающіеся географическихъ данныхъ Бессарабіи, потому что въ этой области недостаточность изслѣдованій обнаруживается уже съ самыхъ первыхъ страницъ «Матеріаловъ», о которыхъ идетъ рѣчь.—Первое же критическое примѣчаніе, сдѣланное въ этой книгѣ относительно крѣпости Хотинской, даетъ изложеніе весьма гипотетическаго мнѣнія г. Стамати такого рода: «Крѣпость Хотинъ на Днѣстрѣ была построена въ началѣ перваго вѣка по Р. Хр. Котизономъ, царемъ даковъ, убитымъ въ сраженіи съ римлянами, воевавшими подъ предводительствомъ Лентула: крѣпость сія названа римлянами «Cotison», а мы ее называемъ «Хотинъ». Издатель «записокъ» воздерживается отъ выраженія сочувствія или согласія съ такимъ мнѣніемъ, но уже одно помѣщеніе подобнаго мнѣнія на страницахъ его изданія показываетъ одобрительное отношеніе къ нему. Но мнѣніе г. Стамати возбуждаетъ много недоразумѣній. Прежде всего, Cotison далеко не сходно съ названіемъ Хотинъ; гораздо съ большимъ вѣроятіемъ крѣпость даковъ Cotison можетъ быть усматриваема въ Котюжанахъ-Маре Сорокского уѣзда, гдѣ и понынѣ сохранились остатки древнихъ валовъ, крѣпостныхъ сооружений и земляныхъ насыпей. Имя Котизонъ филологически вполне естественно перешло въ испорченное «Котюжень», «Котюжанъ», какъ естественно перешло слово «Борисполь» (мѣстечко Полтавской губерніи) въ народное Барышполь (окрестное населеніе иначе и не называетъ этого мѣстечка).

Что касается Хотина, то мы вполне склоняемся къ мнѣнію, высказанному еще покойнымъ Аѳанасьевымъ (Чужбинскимъ), что названіе этого города указываетъ на его славянское происхожденіе («Собраніе сочиненій Аѳан. Чужбинскаго, т. VIII, гл. 3-я). Во-первыхъ, почти съ несомнѣнностью можно сказать, что мѣстность около Хотина и сѣвернѣе едва ли когда-либо была заселена дакійскимъ племенемъ. Верховья Прута и Днѣстра издавна служили колыбелью славянъ (въ частности руснаковъ) и если многія села Хотинскаго у. въ настоящее время потеряли свой національно русскій колоритъ, если самая ихъ официаль-

ныя названія отдають румынизмами, то это далеко не доказательство древности здѣсь румынскаго племени, такъ какъ и теперь еще легко возстановить славянскій корень этихъ названій (напр., с. Перебыкауцы по офиц. произношенію есть измѣненное Перебійковцы, Коржеуцы—Коржевцы, Шишкоуцы—Шишковцы, Якимоуцы—Якимовцы, Маркоуцы—Марковцы, Косоуцы—Косовцы и т. д.) С. Секуряны (по офиціальному произношенію) въ устахъ народа звучитъ какъ Си—гуряне отъ слова «горяны» («си—горяны»—и «ти—горяне» двѣ части этого села), и Аванасевъ на этомъ основаніи полагаетъ, что было время, когда не только верхняя, но и средняя Бессарабія была населена славянскимъ (руснацкимъ) племенемъ (т. VIII, гл. 1-я).

Во-вторыхъ, названіе Хотина въ народномъ произношеніи прочно удерживаетъ одну особенность. Руснаки не говорятъ «Хотинь», но «Хотинъ». «Мягкій знакъ, говоритъ Аванасевъ, поставленъ здѣсь не случайно. Если руснакъ говоритъ *Русхотинъ*, онъ могъ бы сказать и Хотинъ: но, употребляя твердый знакъ въ названіи упомянутой деревни, онъ не произноситъ его при словѣ Хотинъ даже и въ падежахъ косвенныхъ. На это обратилъ я вниманіе еще при первоначальномъ посѣщеніи края» (ibid. гл. 3-я).

Есть русское слово и Хотинъ (т. е. съ твердымъ знакомъ): въ древнерусскихъ былинахъ Кіевского цикла упоминается русский богатырь Хотинъ. Но не мало данныхъ есть и за то, что слово «Хотинъ» такъ же древнерусское, какъ и *Хотинъ*. Въ «Матеріалахъ для словаря древнерусскаго языка» А. Дювернуа находимъ древнее русское отчество «Хотуничъ» въ выраженіи «Кюрила Хотуничъ». Далѣе, извѣстный «Хутынь» монастырь близъ Новгорода издревле такъ назывался: «Домъ Святаго Слеса на Хутынь, тако бо бѣ нарицаемо мѣсто то отъ древнихъ», можно читать въ рукописи Румянцевскаго музея за № 154 (см. словарь Дювернуа). Корень же слова *Хутынь* несомнѣнно тотъ же, что и въ словѣ *Хотинъ*. Итакъ, русско-славянское происхожденіе названія города Хотина несомнѣнно, и, слѣд., отождествленіе его съ городомъ царя Котизона слишкомъ поспѣшно.

Смысль слова *Хотинь*, т. е. имени прилагательного отъ древнерусскаго слова «Хоти» (жены) весьма понятный; поны-нѣшнему надо было бы сказать «Женинь», какъ «Царицынь».

Въ Хотинскомъ у. мы могли-бы указать цѣлый рядъ сель, достопримѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, и однако до сихъ поръ наукой (даже въ такомъ серьезномъ, недавно вышедшемъ (въ 1905 г.) трудѣ, какъ «Исторія Украины-Руси» Михаила Грушевскаго) ошибочно опредѣляемыхъ топографически.

Таковы, напр., с. Кельменцы, очевидно древній г. Кучелеминъ, упоминаемый въ Ипатьевской лѣтописи, топографически ошибочно приурочиваемый къ нынѣшнему Кучурмику (хотя Грушевскій и сознаетъ, что здѣсь для отождествленія этихъ мѣстностей затрудненіе въ томъ, что лѣтописное повѣствованіе указываетъ на болѣе близкую мѣстность къ Днѣстру, см. т. 2, стр. 611).

А село Берладяны со своею старою полуразвалившеюся церковью и древнею живописью развѣ не заслуживаетъ того, чтобы при одномъ этомъ названіи вспомнить древнерусскаго князя (12 вѣка) Ивана Берладника и съ нимъ прочихъ берладниковъ, этихъ предтечъ запорожцевъ малорусскихъ?

А вотъ еще одно знаменательное имя: *уриешъ*. Есть *Могила* уриешей (великановъ) близъ с. Глиноя (между Единцами и Бричанами въ Хот. у.); какой рой воспоминаній она можетъ вызвать? Можетъ быть, неосновательно, но намъ кажется правдоподобнымъ сближеніе слова *уриешъ* съ *аваръ*. Въ чешскомъ языкѣ слово *obřim* (погибоша, аки обры—авары) сдѣлалось изъ собственнаго имени *аваръ* нарицательнымъ, для обозначенія великановъ. Кто знаетъ, не служитъ ли могила *уриешей* въ Хотинскомъ уѣздѣ могилой *обровъ*, этихъ нашихъ историческихъ великановъ?

Кто же долженъ разгадать эти историко-географическія загадки?

Мы должны надѣяться, что ближайшее къ намъ молодое поколѣніе, самоотверженно полюбивъ свою родину, сосредоточить свой взоръ на родныхъ палестинахъ. Нужно, значить, его

заинтересовать, нужно возгрѣть любовь. Это прямая задача экскурсій по Бессарабіи.

Въ № 36 «Нивы» за 1903 г. напечатана статья «Пещерные монастыри въ верховьяхъ Днѣстра» съ иллюстраціями. Эта статья должна обратить на себя вниманіе тѣхъ, кто дорожить своимъ роднымъ. Бѣглый очеркъ пещерныхъ монастырей симпатично рисуетъ намъ картины далекаго прошлаго, оставившаго здѣсь свой слѣдъ. Но вѣдь почти каждая сѣверная рѣка зъ Бессарабіи, протекающая въ скалистыхъ мѣстахъ, испещрена такими же пещерными храмами, келіями и они остаются необслѣдованными и неописанными. То немного, что попадаетъ въ печать, требуетъ провѣрки и самостоятельнаго изученія. Мы должны быть благодарны за всякій сырой матеріаль, какой можетъ быть доставленъ археологическому обществу молодымъ поколѣніемъ, любителями-семинаристами. Одинъ такой очеркъ о селѣ Наславчѣ, ниже слѣдующій, принадлежитъ ученику 3-го кл. семинаріи Ивану Еводіеву.

В. Курдиновскій.

С. Наславча Сорокского уѣзда.

Я имѣлъ въ виду дать кое-какія свѣдѣнія, касающіяся вообще сѣверныхъ мѣстъ Бессарабіи, замѣчательныхъ по чему-либо въ археологическомъ отношеніи: но недостатокъ времени заставляетъ меня ограничиться сообщеніемъ только тѣхъ свѣдѣній, какія касаются моей родной колыбели—с. Наславчи.

Село Наславча (Сорокск. у въ гражд. вѣд. и Хот. въ дух.) замѣчательно въ археологическомъ отношеніи. Замѣчательно оно потому, что въ немъ сохранилось много памятниковъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ глубокой старины. Къ такимъ памятникамъ прежде всего относятся монументы, на которыхъ есть на надписи малорусскомъ, русскомъ языкахъ и даже что-то напоминающее іероглифическое письмо: такъ въ с. Наславчѣ въ «Глубокомъ яру», въ тѣнистыхъ вѣковыхъ лѣсахъ *Бойковыхъ* сохранился, по многократнымъ рассказамъ моихъ односельчанъ, большой камень съ изображеніемъ предметовъ домашней утвари, что напоминаетъ

собою египетскіе іероглифы. Преданіе говоритъ, что подъ этимъ камнемъ есть кладъ, и что рисунки изображаютъ собою сосуды, наполненные деньгами. Вообще нужно замѣтить, что Наславча изобилуетъ «кладами». Они часто обрѣтаются при раскопкахъ, при чемъ монеты большею частью древне-римскія, хотя попадаютъ и съ надписями «Русь», т. е. російскія. Но о нихъ я поговорю ниже.

Въ Наславчѣ и его окрестностяхъ сохранилось много пещерныхъ монастырей (см. Нива, 1903 г. № 36). Всѣ они пришли въ запустѣніе и называются монастырями только по преданію. Въ этихъ пещерахъ находили себѣ пріютъ иноки, что подтверждается сохранившимися изображениями крестовъ на ихъ стѣнахъ. Но нѣкоторыя пещеры носятъ на себѣ совершенно иной характеръ. Особенно оригинальна одна изъ нихъ; такъ называемая «Нагорянская». Она, какъ говорятъ, тянется на протяженіе чуть ли не пяти верствъ и при самомъ входѣ сохранился какой то желѣзный столбъ. Все это заставляетъ думать, что здѣсь была нѣкогда крѣпость, въ которой укрывались для защиты отъ непріятелей. Это подтверждается 1) преданіемъ, 2) находимыми здѣсь осколками орудійныхъ снарядовъ и 3) самымъ характеромъ мѣстоположенія, его изолированностью со всѣхъ сторонъ. Есть основаніе предполагать, что эта мѣстность служила для гарнизоновъ въ различныя времена, т. е. во времена владычества римлянъ (Дакія) и готовъ. Въ пользу первой теоріи говорятъ: а) находимыя древне-римскія монеты, в) монументальные памятники съ остатками письма и г) ископанный при рытіи колодца трупъ въ военныхъ доспѣхахъ (скорѣе готскихъ), вѣроятно полководца. Нужно полагать, что эти мѣста служили крѣпостями во времена послѣдняго турецкаго ига. Это подтверждается 1) преданіемъ и 2) находимыми осколками орудійныхъ снарядовъ.

Въ языкѣ жителей села Наславчи примѣсь немногихъ древне-русскихъ словъ говоритъ о томъ, что село существуетъ въ захолустѣ съ древнѣйшихъ временъ. Такъ, напр. сохранилось древнее слово «нагота» (нагота упоминается въ Словѣ о п. Иго-

ревѣ), обозначающее мелкую монету отъ 3-хъ до 5-ти копеекъ. Хотя едва ли теперь можно его встрѣтить въ разговорномъ языкѣ, но мнѣ издѣтства оно помнится. Дѣло въ томъ, что еще два года тому назадъ, въ послѣдній разъ моего пребыванія на родинѣ, мнѣ не приходилось слышать такого слова, такъ какъ народъ перешелъ къ счету «на гроши». Но когда я еще былъ малымъ, при жизни моего отца, былъ у насъ въ домѣ слуга-старичокъ. Помнится мнѣ, что покойный отецъ въ праздничные дни награждалъ меня «наготами». Деньги эти я часто терялъ въ соломѣ, которою топилъ въ печкѣ вышеупомянутый старикъ. Когда топленье печки кончалось и полъ очищался, старикъ-слуга находилъ деньги и обыкновенно приговаривалъ съ улыбкой: «Ось скильки я наготівъ назбыравъ». Эта «нагота» и до сихъ поръ у меня сохранилась въ памяти, но повторяю вторично, едва ли удастся теперь услышать что-нибудь въ этомъ родѣ, тѣмъ болѣе, что теперь поколѣніе все новое, старики поумирали и съ ихъ смертію умеръ и древній языкъ.

Населеніе села состоитъ изъ малоруссовъ (хохловъ), нѣмцевъ-колониствовъ и небольшой примѣси евреевъ. Можно полагать, что малороссы остатки изъ запорожскихъ казаковъ, ушедшихъ изъ Малороссіи еще до воссоединенія съ Великороссіей. Въ пользу послѣдней теоріи говорятъ: а) сохранившіяся въ характерѣ типичныя старинныя черты запорожскаго казака, б) характеръ постройки старинныхъ хатъ, напоминающихъ собою казацкіе курени, в) особенности языки (нѣсколько грубѣе выговоръ), г) пѣсни, въ которыхъ воспѣвается казачество. Мною, напримѣръ, записанъ отрывокъ слѣдующей пѣсни:

Ой, маты, маты, що жъ я наробыла:
 Казакъ мае жинку, а я полюбыла,
 Казакъ мае жинку, шей диточокъ трое.
 Ой, маты, маты, що я наробыла:
 Казакъ мае жинку, а я полюбыла.

Къ числу интереснѣйшихъ типовъ с. Наславчи относятся знахари, колдуны, бабки-умывалки. Народъ относится къ нимъ съ большимъ уваженіемъ, и вообще о нихъ въ народѣ идетъ молва,

какъ о людяхъ «не зобра», знакомыхъ съ нечистою силою. Черезъ близкое знакомство съ ними можно собрать кое-какія релігіозно-языческія повѣрія.

Въ интересахъ будущей экскурсіи для изслѣдованія с. Наславчи, считаю долгомъ сдѣлать нѣсколько посильныхъ замѣтокъ, касающихся, какъ я сказалъ выше, родной колыбели, судьбинами которой я сталъ интересоваться только въ послѣднее время. Чтобы слишкомъ не распространяться, я прямо приступлю къ детальному изложенію достопримѣчательностей.

1) Монументальные памятники находятся въ мѣстностяхъ:

а) «Яръ въ Бойковомъ» лѣсѣ, или такъ называемый «глубокой». Здѣсь находится вышеупомянутая скала съ вырубленными изображеніями предметовъ домашней утвари. Тутъ же, по рассказамъ, и клады. Недавно въ этой мѣстности былъ раскопанъ кладъ Мишей Трохимомъ (теперь проживаетъ въ Окницѣ).

б) Въ мѣстности называемой «Собаки кырныци» можно встрѣтить нѣсколько памятниковъ—скаль съ надписями. Эти надписи въ одномъ году я лично видѣлъ, но не обратилъ вниманія на ихъ содержаніе.

в) Кресты около лѣса Бойкового (числомъ до семи). Особеннаго вниманія заслуживаетъ одинъ изъ нихъ, огромной величины съ четко сохранившеюся надписью.

г) Кресты на межѣ Наславчскаго владѣнія. Количествомъ до 4-хъ съ надписями. Здѣсь, по преданію, погребались «нечистыя» тѣла—повѣшенныхъ, убитыхъ, утопленныхъ или случайно растерзанныхъ звѣрьми.

д) «Образы въ «Яркахъ» около «Рыбацкого камня». О нихъ очень мало знаю. Тутъ же и пещеры. Свѣдѣнія можно собрать у рыбаковъ Лади, Пентелея Долянянскаго, Паламарчуковъ, Штефана Цымбалюка, Ананія Прутскаго, у отца и сыновей Василя Гуцула—Василя и Ивана, а также и стариковъ: (особенно у Гавріила Колесника) и прочихъ поселянъ.

е) Насыпные холмы. Идутъ на протяженіи Наславчскаго и Бырновскаго владѣній. Они служили, по преданію, для подачи сигналовъ, гдѣ постоянно ходилъ съ флагомъ часовой; въ случаѣ

приближенія непріятели, онъ посредствомъ движенія флага доводилъ о нихъ до свѣдѣнія скрывающихся въ Наславчѣ. Изъ такихъ холмиковъ особенно замѣчателенъ по своей сравнительной величинѣ находящійся на полѣ Гавриила Колесника. Въ немъ, по преданію, скрыто оружіе и много денегъ.

ж) Мнимая церковь. По разсказу Сыдира Апостолюка, она находится на его полѣ, зарытая въ землѣ. Въ ней, говоритъ онъ, хранятся предметы церковной утвари и много воску, такъ какъ прежде каждая церковь имѣла свой воскъ. Но не досужая ли это фантазія, вводящая въ заблужденіе людей?!

з) «Долынянскій цвынтарь». Донинѣ сохранилось много причудливыхъ надгробныхъ памятниковъ. Особенно оригиналенъ одинъ изъ нихъ по своей своеобразной формѣ съ надписью.

и) Древнѣйшее кладбище. Находится въ саду Тудоски Николаешыной. Сохранилось три или четыре памятника.

і) «Караманови яркы» (по направленію къ Волошково). По разсказамъ они съ пещерками, которыя служили келіями для монаховъ.

к) Церковь разрушенная. Въ третьемъ году разрушена. Основана она лѣтъ двѣсти съ лишнимъ тому назадъ. Въ ней было много замѣчательныхъ иконъ, кажется, даже есть рукописи, если онѣ не уничтожены съ постройкой новой церкви, такъ какъ для таковой приобрѣтены новыя книги, а все старое уничтожено (обычай бросать въ Днѣстръ все «священне»). Но можно поискать въ архивѣ новой церкви. Иконы старинныя розданы жителямъ. Предметы утвари можно видѣть въ новоустроенной церкви (если они только не проданы на вѣсь). Свѣдѣнія о розданныхъ иконахъ можно собрать у церковнаго старосты, Антона Чебана, у священника и стараго псаломщика (Василія Куницкаго).

л) Нагорянская скала. Это та самая пещера, о которой я упомянулъ выше. Въ ней, по преданію, погибла масса народу во время какой-то войны. Это подтверждается и тѣмъ, что и по сіе время можно встрѣтить остатки череповъ и костей. Мнѣ самому однажды пришлось въ мѣстности, расположенной нѣсколь-

ко ниже, разбить одинъ черепъ. Свѣдѣнія можно собрать у Соломіи, что на сельскомъ кладбищѣ. Здѣсь также и келіи монаховъ: вѣроятно и надписи можно найти, такъ какъ эта скала была нѣкогда крѣпостію.

м) Клады и монеты. Кладъ съ монетами найденъ Трифономъ Деркачомъ при раскопкѣ терновника года три тому назадъ, и также Мишей Трохимомъ, проживаюшамъ нынѣ на станціи Окница. Какъ и первый, такъ и второй, нашли оба «по чавуну», т. е. по глиняному ковшину. Монеты второго я видѣлъ и, къ сожалѣнію, я не зналъ ихъ цѣнности и затерялъ. Что касается денегъ второго, то я ихъ не видѣлъ, а пишу только по рассказамъ.

2) Преданіе о древнѣйшихъ временахъ можно собрать у стариковъ Гавріила Колесника, Даныла Марыканскаго, Штефана Попова (ученый, знаетъ нѣсколько языковъ и читаетъ газеты).

3) Свѣдѣнія изъ народнаго быта можно собрать у учителя Ѳ. И. Долгаго. Религіозно-языческія повѣрія можно собрать у знахарей и лѣкарокъ: Маріаны Трынчыхы, Елены Бабичиной и Матроны Ананьевой.

5) Пѣсни свадебныя, хороводныя можно собрать у дѣвушки Маріи Пойды.

Имѣя въ своемъ распоряженіи немного свободнаго времени, считаю долгомъ дать кое-какія свѣдѣнія о другихъ мѣстахъ, также замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи. Я говорю объ окрестныхъ селахъ: Лядовой, Нагорянахъ, Волошково, Василіуцы, Козловъ, Ожево, Бакота и другихъ, расположенныхъ выше Наславчи по теченію Днѣстра. Всѣ эти мѣста могутъ дать много цѣнностей: здѣсь много памятниковъ древей старины. Марковцы (Орг. у.), по рассказамъ одного изъ моихъ товарищей, представляютъ также много интереснаго. Считаю также долгомъ указать на то, что два или три года тому назадъ окончившимъ воспитанникомъ семинаріи Никодимомъ Петраничемъ найдены были предметы домашняго обихода еще каменнаго вѣка, представляющіе собою не малый интересъ. У него есть также цѣлая коллекція старинныхъ монетъ. Затѣмъ укажу также на

старинную церковь въ с. Барладянахъ (15 верстъ отъ м. Единецъ на рѣкѣ Чугорѣ). Мѣстные жители говорятъ, что ей лѣтъ 300. Не мало интереса представляетъ собою старинная шпага, найденная на днѣ рѣки Прута священникомъ с. Куконештъ, сохраняемая имъ и до сихъ поръ. Отъ нея сохранилось только лезвее съ надписью, кажется на латинскомъ языкѣ.

Въ селѣ Михалашанахъ найденъ мужикомъ кладъ. Деньги, преимущественно римскія, проданы кому-то за безцѣнокъ.

Въ цѣляхъ облегченія дѣятельности членовъ общества, съ трудомъ ориентировавшагося на первыхъ порахъ въ разработкѣ археологическихъ вопросовъ, а также въ цѣляхъ привлеченія возможно большаго количества сотрудниковъ, не мѣшало бы къ числу намѣченныхъ въ отчетѣ археологическаго общества за 1906 г. прибавить еще одну тему: «О подборѣ и изученіи матеріала по исторіи Бессарабіи». Книга такая съ приложеніемъ устава общества будетъ руководствомъ для членовъ общества, особенно для молодыхъ, какихъ теперь не мало.

Мною также описана свадьба русинская со всѣми ея религіозно-языческими повѣртіями, а также собраны нѣкоторыя пѣсни, но, къ сожалѣнію, недостатокъ времени заставляетъ меня остановиться.

Въ заключеніе повторяю, что въ пещеры наславскія не проникалъ еще пытливый глазъ археологовъ. Онѣ ждутъ еще изслѣдователя и обѣщаютъ дать много интересныхъ свѣдѣній, могущихъ пролить свѣтъ на исторію далекаго прошлаго этого края. При тщательныхъ раскопкахъ и изслѣдованіяхъ непроницаемыхъ мѣстностей можно открыть цѣлый пещерный монастырь, а тамъ, чего добраго, можно открыть и кладъ!

Заканчивая свой скромный докладъ, покорно прошу зачислить меня въ члены-любители общества, правителемъ дѣлъ котораго Вы состоите. А я на будущее время постараюсь, если только буду имѣть возможность пѣхать на родину, доставить посильныя археологическія извѣстія, напишу бытъ, нравы и обычаи моихъ односельчанъ, напишу пѣсни, сказки, легенды, пословицы и преданія о древнѣйшихъ временахъ.

Между прочимъ прилагаю при семъ одну пѣсню, записанную мною пасхальными каникулами.

Похотила мене маты
Тай за першого даты,
Но той першый
Плете верши.
Тай не дай мене, маты!
Похотила мене маты
Тай за другого даты,
А той другый
Тай плете батуги.
Тай не дай мене, маты!
Похотила мене маты
Тай за третого даты,
А той третый
Ткае выреты ¹⁾.
Та не дай мене, маты!
Похотила мене маты
Тай за четвертого даты.
Той четвертый тай
Рубае чвертки ²⁾.
Тай не дай мене, маты!
Похотила мене маты
Тай за пятого даты.
А той пятый малый
Тай ще безпятый.
Тай не дай мене, маты!
Похотила мене маты
Тай за шестого даты.
А той шестый тай
Не мае честы.
Тай не дай мене, маты!
Похотила мене маты

---

¹⁾ Ковры.

²⁾ $\frac{1}{4}$ часть десятины наз. чверткою; землемѣръ.

Тай за сегого даты.
А той семьй смутный
Тай не веселый.
Тай не дай мене, маты!
Похотила мене маты
Тай за восьмого даты.
А той восьмый, малый
Недорослый.
Тай не дай мене, маты!
Похотила мене маты
Тай за девятого даты.
А той девятый
Не покладе хаты.
Тай не дай мене, маты!
Похотила мене маты
За десятого даты.
А той десятый чернобрыый
Щей усатый.
Охъ, то дай мене, маты!

Эта пѣсня иногда поется на свадьбахъ.

Иванъ Еводіевъ.

ПИСЬМО

Архіепископа Кишиневскаго Антоніа Шокотова къ Архимандриту Порфирію Карабиневичу *).

(1860 г.)

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕПОДОБІЕ,

Многоуважаемый Отецъ Архимандритъ,

Братъ о Господѣ возлюбленный!

Приношу мою искреннѣйшую благодарность братской любви Вашей, посѣтившей меня хартіей и при ней предпославшей всечестную Икону

*) Архим. Порфирій (въ міръ *Оеолоръ Михайловичъ Карабиневиць*) былъ родомъ изъ Подольской епархіи и учился сначала въ Подольской

Преподобныхъ чудотворцевъ Соловецкихъ Зосимы и Савватія, доставившую мнѣ душевное утѣшеніе. Отъ всей души буду молиться, чтобы Господь благословилъ Васъ всякою благодатію. Преподобные угодники Божіи Зосима и Савватій своими святыми молитвами ко Христу Спасителю да подкрѣпятъ Васъ въ подвигѣ—служить ихъ Святой Обители, охраняя Васъ отъ всякаго неблагоприятнаго вліянія суроваго климата. Увѣренъ, что мѣстность жительства Вашего не такова, къ которой можно легко привыкнуть всякому. Но не ослабѣвайте, возлюбленный, въ терпѣніи: оно принесетъ Вамъ возделѣнный плодъ. Да исполнится въ Васъ воля Божія! Господь милостивый послѣ устроитъ все къ лучшему и такъ при томъ, какъ тебѣ вовсе и не предполагается Вами.

Я самъ, грѣшный, долго странствуя по Сѣверу, скучалъ за Югомъ, ужъ и не думалъ, что возвращусь сюда,—между тѣмъ Господь устроилъ, что я опять на Югѣ. Теперешняя отлучка моя на Сѣверъ, хотя и временная, меня тяготитъ: здоровье мое съ нимъ не мирится. Молюсь, чтобы Господь сохранилъ меня здѣсь благополучно и возвратилъ какъ въ мою юную, еще не разработанную епархію, требующую хлопотъ очень не малыхъ. Прошу и Вашихъ братскихъ молитвъ о семъ. Я же, призывая на Васъ Божіе благословіе, имѣю честь быть съ душевнымъ къ Вамъ уваженіемъ и искреннѣйшею братскою о Христѣ Исусѣ Госпо-

духовной семинаріи. Но когда ректоръ этой семинаріи архим. *Геденъ Вишневскій* былъ назначенъ въ 1834 г. Епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ,—то, по его предложенію, *Оеогоръ Карабиневиъ* перешелъ для продолженія ученія въ Полтавскую духовную семинарію, и здѣсь въ богословскомъ классѣ (1835—1837 г.г.) былъ ученикомъ ректора этой семинаріи архим. *Антонія Шокотова*. По окончаніи семинарскаго курса, Карабиневиъ поступилъ въ Кіевскую д. академію, которую окончилъ въ 1841 г. со степенью старшаго кандидата. Впослѣдствіи принялъ монашество съ именемъ *Порфирія*, былъ ректоромъ семинаріи—Полтавской и Олонецкой, и, наконецъ, въ 1859 г. назначенъ былъ настоятелемъ Соловецкаго Ставропигіальнаго монастыря. Архангельской епархіи, въ какой должности и скончался 26 іюня 1865 г. Некрологъ его, проникнутый глубокимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ его личности, помѣщенъ въ 36-мъ № «Духовной Бесѣды» 1865 г., въ отдѣлѣ «Церковная Лѣтопись»—(стр. 516—528). Сообщаемое нами теперь письмо къ нему Преосв. Антонія Шокотова писано послѣднимъ, еще въ званіи епископа, изъ С.-Петербурга, куда онъ вызванъ былъ 30 апрѣля 1860 г. для присутствованія въ Св. Синодѣ. Оно списано съ подлинника, находящагося въ «Сборникѣ писемъ разныхъ лицъ къ архим. Порфирію Карабиневиъ», хранящемся въ музеѣ Подольскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества.

дѣ нашемъ любовію—Вашего Высокопреподобія усердѣйшій слуга и богомолецъ.

Автоній, Епископъ Кишиневскій.

26 сент. 1860 г.

с.-Петербургъ.

P. S. Прошу откровенно повѣдать мнѣ Ваши желанія относительно Вашего быта.

Сообщ. Левъ Мацѣвичъ.

«Наша жизнь и ея ржавчина».

Моя замѣтка «Марія или Марна» (№ 13—14 «Епар. Вѣд.»), какъ и ожидала редакція, «возбудила попытку къ разрѣшенію практически туго поддающагося вопроса пастырской жизни» относительно пищевого довольства въ дни пастырскихъ собраній и относительно мѣста этихъ самыхъ собраній.

Этотъ вопросъ очень легко былъ разрѣшенъ въ подстрочномъ примѣчаніи самой редакціей и не менѣе легко, хотя и многословнѣй (на нѣсколько ладовъ, на всякій случай) о. Ник. Стойковымъ въ № 21 «Епар. Вѣд.».

Я сейчасъ очень много сожалею, что подалъ поводъ, совершенно того не подозревая, и почтенной редакціи и многоуважаемому сотруднику «Епар. Вѣд.» о. Н. затрачивать понапрасну и время и дорогія печатныя строки на выясненіе того, «что такъ азбучно, такъ понятно, что прямо таки неловко останавливаться на такихъ пустякахъ».

Мнѣ кажется, что если бы о. Н. былъ редакторомъ «Епар. Вѣд.», то онъ замѣтку мою не пропустилъ бы и поставилъ бы на ней приблизительно такую рецензію: «не подходит... интернаціональный домъ и довольствованіе сухой пищею». А я бы ему отвѣтилъ: даже открытое небо и совершенное въ теченіе дня неяснѣе; не въ этомъ совѣтъ дѣло, а статью печатайте, ибо это нужно въ цѣляхъ самихъ же пастырскихъ собраній, въ цѣляхъ оздоровленія той атмосферы, въ которой мы живемъ.

Своей замѣткой я совѣтъ не имѣлъ намѣренія регулировать обѣденные вопросы и вопросъ о мѣстѣ для пастырскихъ собраній; совѣтъ не въ нику «иниціаторамъ пастырскихъ собраній, пресмѣшно висящимъ въ воздухѣ», я ее писалъ. «Билъ я по сѣдау, дабы догадывалась лошадь», какъ выражается нашъ молдаванинъ.

Я хотѣлъ, какъ показываетъ и самое заглавіе моей замѣтки, остановить вниманіе матушекъ на нихъ же самихъ и попросить ихъ, если только съ ихъ стороны это возможно, ужаснуться той роли, какую онѣ несомнѣнно играютъ.

Канвой разсужденій моихъ о матушкѣ избранъ былъ мною вопросъ о пастырскихъ собраніяхъ по той простой причинѣ, что около этой темы привыкла вращаться моя мысль.

Всѣ эти «пирожки къ супу со сладкимъ», вся эта «моя матушка» понадобились мнѣ для того, чтобъ показать, съ одной стороны, какъ глубоко нечувствительна семья нашего сельскаго батюшки къ тѣмъ духовнымъ нуждамъ и запросамъ, которые несомнѣнно должны руководить ея жизнью, съ другой стороны, чтобъ подчеркнуть нелюдимость, негостепріимство, прямо таки нетерпимость къ людямъ этой самой семьи, протекающими несомнѣнно изъ невоспитанности матушекъ и непониманія ими своихъ задачъ.

Жизнь прихода, помимо другихъ факторовъ, направляется въ деревнѣ прежде всего священникомъ, а затѣмъ, конечно, строимъ и духомъ всей его семьи.

Я вотъ что хочу сказать. Семья для сельскаго священника представляетъ такой придатокъ, который можетъ служить къ вящему процвѣтанію его пастырской дѣятельности, но можетъ запускать ему и палки въ колеса.

Вѣдь несомнѣнно, что семья священника оттягиваетъ его отъ прямого его дѣланія и направляетъ его въ сторону изысканія матеріальныхъ средствъ къ содержанію и обезпеченію этой семьи.

Посчитайтесь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ настроеніемъ и душевной физиономіей матушки, и вы увидите, что дѣятельность пастыря находится почти въ прямой зависимости отъ нея.

И если я это о священникѣ говорю, то потому, что подъ духовенствомъ никогда не разумѣю тѣхъ исключительныхъ героевъ, которые сами въ себѣ черпаютъ всю силу и энергію, а имѣю въ виду то самое большинство, изъ котораго въ массѣ своей духовенство и состоитъ.

Психологія же этого большинства такова, что дѣятельность его зависитъ отъ того внутренняго въ семействѣ его спокойствія и равновѣсія, каковое имѣется въ наличности.

Является матушка дѣйствительно подругой пастыря, сознаетъ она важность его миссіи, раздѣляетъ его взгляды и помогаетъ ему въ проведеніи въ жизнь его принциповъ—мужъ ея тогда живъ для дѣятельно-

сти, конечно, если онъ самъ понимаетъ и сознаетъ себя.

Нѣтъ этого—и у человѣка *этого большинства* ¹⁾ опускаются руки.

И вотъ, мнѣ кажется, настало время, когда матушкамъ слѣдовало бы зажить и интеллектуальной стороной.

Она живетъ кухней, пеленками, заботами о хозяйствѣ, жадностью къ деньгамъ, билетными и тѣмъ недомыслиемъ, которое на каждомъ шагу можетъ создавать препятствія ея мужу въ его пастырской дѣятельности ²⁾.

Дѣло не въ интернаціональномъ домѣ» и дѣло не въ «пирожкахъ къ супу», дѣло въ томъ, что матушки, въ огромномъ большинствѣ своемъ, не сочувствуютъ дѣлу пастырскихъ собраний, а этому доказательствомъ служитъ то, что во многихъ округахъ батюшки выставлены изъ своихъ домовъ въ интернаціональные дома. Дѣло въ томъ, что съ развитіемъ пастырскихъ собраний, нужно думать, священники направятъ свою дѣятельность въ сторону чистаго пастырскаго дѣланія, а отъ этого «въ хозяйствѣ пойдетъ упушеніе» и мы скоро очутимся наканунѣ того дня, когда матушки скажутъ намъ: завели пренеприличный обычай быть пастырями, ѣздить въ интернаціональные дома.... совѣмъ отъ рукъ отбились».

И осуществленію пастырскихъ собраний въ той ихъ части, которая касается крова и пищевого довольства, не будетъ препятствій, если матушки не сочувствуютъ имъ, ибо есть выходъ: интернаціональный домъ и сухомятка въ худшемъ случаѣ, и благоустроенный окружной домъ въ лучшемъ. Важнѣе всего то, что это несочувствіе матушекъ къ пастырскимъ собраніямъ общается разыграться въ цѣлый актъ той глубокой трагедіи пастырства, и едва-ли бутафорскаго свойства, ко-

¹⁾ Слова подчеркнуты редакторомъ.

Ред.

²⁾ *Примѣчаніе.* Да не смущаются матушки наши рѣзкостью моего тона и кажущейся на первый взглядъ тенденціей во всемъ обвинить ихъ. Строго говоря, матушку, вѣдь, нашу, если о ней говорить, во всемъ нужно оправдать и ни въ чемъ ее нельзя винить. Если кто, то особенно она неповинна въ томъ, что обладаетъ такой, а не иной душевной фізіономіей. Но сейчасъ рѣчь не о «причинахъ всѣхъ причинъ», а о тѣхъ фактахъ, которые имѣются на лицо; отъ нихъ-то никуда не убѣжишь. Слово же оправдательное по отношенію къ нашимъ матушкамъ у меня есть, и оно хоть и маленькое, но съ нимъ я въ самомъ недалекомъ времени все-таки намѣренъ выступить.

торию такъ вдохновенно пишетъ и которую такъ сильно чувствуетъ высокоуважаемый о. Николай.

Здоровыхъ суждений относительно своего положенія, желаній найти себѣ мѣсто и понять его, стремленія имѣть хоть сколько-нибудь выработанный, продуманный и соответствующій своему положенію взглядъ на жизнь со стороны матушекъ за весьма и весьма рѣдкими исключеніями не приходится слышать. Не только писанія, но и чтенія печатной строки наши матушки чужды. И это плохой симптомъ.

Если батюшки въ дѣлѣ оздоровленія своего интеллектуальнаго облика не далеко пошли, то матушки слишкомъ далеко отъ нихъ отстали.

Это я говорю о массѣ нашихъ матушекъ. И если среди нихъ нѣтъ героинь, то я не допускаю мысли, что среди нихъ нѣтъ разумныхъ женщинъ, выступленіе которыхъ по поводу моей замѣтки «Марія или Марфа» куда полезнѣе было бы не на тему написаннаго выступленія о. Ник. При желаніи онѣ несомнѣнно будутъ влиять на жизнь, помогутъ забыть неразумныя традиціи уклада нашей семейной жизни и внесутъ въ нее живую струю оздоровленія.

Всему доброму, хорошему и нужному для оздоровленія жизни женщина, въ лучшемъ представленіи этого слова, не можетъ не сочувствовать. Безъ этого женщина даже представляетъ явленіе уродливое. И развѣ не дѣло для нашей матушки было бы стремленіе содѣйствовать осуществленію высокоидейныхъ пастырскихъ собраній предоставленіемъ въ распоряженіе округа время отъ времени своего крова, заботой о дневномъ пропитаніи соратниковъ и собратьевъ своего мужа.

Подумайте объ этомъ, любезныя наши подруги, и откликнитесь живой душой.

Отъ замѣтки о. Николая осталось еще по моему адресу направленное правоученіе, что де «въ гораздо большей степени, чѣмъ матушки, въ неуспѣхѣ нашихъ пастырскихъ собраній виноваты мы съ нашей неизлѣчимою лѣнью и теплохладностью, съ нашимъ нежеланіемъ даже въ рѣдкіе дни пастырскихъ собраній обойтись безъ пирожковъ къ суну и сладкаго» *). Если о. Н. потрудится просмотрѣть хоть бы одну мою замѣтку,—я рекомендовалъ бы «Духа не угашайте» (№ 34 за 1908 г.),—то и ему ясно станетъ, что ломится онъ въ настѣжь открытую дверь.

Что же касается обвиненія о. Ник. Стойковымъ меня въ томъ, что я незначительныя обстоятельства выставлю какъ серьезныя препят-

*) И это послѣднее положеніе—выводъ изъ моей замѣтки?

ствія къ пастырскимъ собраніямъ, и что не потому ли это дѣлается, что пастырскія собранія намъ не по душѣ, то, я долженъ сказать, обвиненіе это направлено не по тому адресу.

Въ заключеніе я не могу не пожалѣть, что своей замѣткой отвлекъ такъ неудачно вниманіе о. Н. Стойкова отъ его очередной работы, и если «моя матушка» не соотвѣтствуетъ тому, что о. Н. называетъ типомъ бессарабской матушки, то я съ нетерпѣніемъ буду ждать выступленія на сцену въ очередной главѣ «Трагедіи пасгырства» обѣщанной уже намъ матушки о. Н. Стойкова.

Свящ. П. А—въ.

Рѣчь

члена Государственной Думы отъ Бессарабской губ. свящ. Николая Гепецкаго

по старообрядческому вопросу.

Я, гг., ни на одну минуту не забываю, что я состою членомъ не международнаго парламента, а членомъ русской Госуд. Думы, и до тѣхъ поръ, пока русская православная Церковь находится въ тѣсномъ единеніи съ русскимъ государствомъ, до тѣхъ поръ, вопреки заявленію Милюкова, будетъ правильной именно та точка зрѣнія, на которую становились представители правыхъ группъ и представители православной Церкви. Иная точка зрѣнія могла бы быть только въ томъ случаѣ, если бы государству угодно было отдѣлиться отъ Церкви и порвать съ нею всякую связь; та, гг., аналогія относительно Царя русскаго и царя болгарскаго, которая была дана здѣсь представителемъ партіи народной свободы, конечно, совершенно неумѣстна въ данномъ случаѣ и не можетъ имѣть никакого примѣненія. (Голосъ справа: bravo, очень хорошо). Русскій Царь, конечно, ничего не имѣетъ противъ того, что существуютъ всякіе другіе цари; но если бы въ русскомъ государствѣ появилось лицо, которое заявило бы себя царемъ той или другой народности, то, можетъ быть, нѣкоторыя группы и признали бы этого царя, но Церковь православная его всегда бы отвергла. (Рукоплесканія справа, голоса: bravo). Этимъ замѣчаніемъ я и ограничусь въ отвѣтъ на призывъ г. Милюкова, обращенный по адресу православной Церкви, о необходимости какой-то новой политической роли Церкви. И вотъ, господа, приступая къ обсужденію законопроекта старообрядческой комиссіи, представленнаго на ваше уваженіе, я, гг., прежде всего долженъ сказать одно и установить тотъ моментъ, о которомъ здѣсь еще ничего

не было сказано. Когда Государю Императору угодно было издать великій манифестъ 17 апрѣля, тогда все старообрядчество, какъ одинъ чело-вѣкъ, вознесло Господу Богу благодарственное моленіе о томъ, что оно получило всѣ рѣшительно условія, при которыхъ оно въ состояніи раз-вивать свою внутреннюю религіозную жизнь, какъ желало и какъ это нужно. Но мнѣ представляется рѣшительно недоказаннымъ, для чего, соб-ственно говоря, старообрядческая комиссія желала бы еще надѣлать старо-обрядческія общества и всякія иныя согласія и всякія иныя вѣроуче-нія, которыхъ, вы сами знаете, имѣются сотни, для чего, непременно, она рѣшила надѣлать ихъ правомъ миссія, правомъ пропаганды среди пра-вославныхъ, тѣхъ ученій, которыя часто взаимно исключаютъ одно дру-гое, о чемъ здѣсь было не разъ передъ вами говорено. Если вы обрати-те вниманіе на то, что старообрядческія общины, въ силу указа 17 апрѣ-ля 1905 г., получили право внутренняго сомоуправленія и получили право религіознаго самоопредѣленія, ихъ приходы получили права юри-дической единицы, ихъ внутренняя жизнь даже совершенно свободна отъ вмѣшательства государственной власти, отъ чего, какъ извѣстно, не сво-бодна православная Церковь въ той мѣрѣ, въ какой она, можетъ быть, должна быть свободна,—надѣленіе, вообще, правомъ пропаганды, миссія, правомъ проповѣдыванія своего ученія среди православныхъ, т. е. тѣмъ правомъ, которое принадлежитъ въ русскомъ государствѣ, во всякомъ случаѣ, православной Церкви,—тѣмъ правомъ въ государствѣ, которое представляетъ пріоритетъ православной Церкви, конечно, явилось бы не-желательнымъ положеніемъ, ибо этимъ самымъ вообще всѣ старо-обрядческія общины, вообще всѣ другія вѣроученія получили бы господствующее первенствующее положеніе по сравненію съ пра-вославной Церковью. Я долженъ вамъ сказать слѣдующее: неуже-ли старообрядческія общины такъ стремятся получить право пропаганды среди всѣхъ другихъ вѣроученій, вспомните, чего они желали? До 1905 г. всѣ вѣроисповѣдныя общества стремились получить одно, стремились получить право, право быть признанными государственной властію, они стремились получить право принадлежать къ тому или иному вѣроиспо-вѣданію, безъ какого бы то ни было гражданскаго правоограниченія, они стремились къ праву свободно и открыто выражать свое вѣроученіе, во всѣхъ обрядахъ своего культа, и они получили это право и отнеслись къ этому, какъ я уже отмѣтилъ, съ глубокой благодарностью, но право свободнаго распространенія этихъ ученій среди православныхъ, это есть право особенное. Нельзя, господа, смотрѣть на это право съ точки зрѣ-

нія интересовъ тѣхъ многочисленныхъ толковъ, которыхъ можно насчитать до 200. На это право нужно, во всякомъ случаѣ, смотрѣть и съ точки зрѣнія того приоритета, въ которомъ находится въ русскомъ государствѣ православная Церковь. Такъ нужно смотрѣть, а иная точка зрѣнія была бы совершенно неправильной и, господа, я вамъ искренно говорю, что мы привѣтствуемъ актъ 17 апрѣля 1905 г., ибо онъ даровалъ то, что нужно для религіозной жизни нашего многомилліоннаго старообрядчества. Пусть и они, говоря словами ст. 68-й основныхъ законовъ, благословляютъ Бога всемогущаго и благодарятъ Царя всероссійскаго, пусть они молятся о благоденствіи и долгоденствіи Русскаго Государства, но, во всякомъ случаѣ, мы не можемъ признать правильнымъ, что то преимущество и тѣ привилегіи, которыя въ настоящее время, въ силу основныхъ законовъ, приурочены къ православной Церкви, чтобы они были распространены на всѣ или другія вѣроученія. (Голоса слѣва: почему?)... Но если бы, господа, это случилось, то, конечно, 80 слишкомъ милліоновъ православнаго населенія не могли бы отнестись такъ равнодушно къ тому, что Церковь ихъ господствующаго населенія лишена своего приоритета, тѣхъ прерогативъ, тѣхъ преимуществъ, которыя предоставлены дѣйствующими въ настоящее время законами. Я долженъ сказать еще слѣдующее. Напрасно здѣсь вчера депутатъ Маклаковъ, а сегодня депутатъ Милюковъ базировались на актъ 17 апрѣля 1905 г. и говорили то и дѣло, что, разъ признано право вѣроисповѣданія, то этимъ самымъ признано и право свободного распространенія своего вѣроученія. Я не буду далеко ходить, чтобы доказать несостоятельность такого положенія. Я тоже буду базироваться на актъ 17 апрѣля 1905 г. Что въ немъ мы читаемъ? вмѣстѣ съ дарованіемъ религіознымъ общинамъ права свободного вѣроисповѣданія, въ этомъ самомъ актѣ 17 апрѣля 1905 г. говорится буквально слѣдующее: »Признаніе узъ, исторически закрѣпившихъ судьбу русскаго государства и православной Церкви, отнюдь не должно быть умаляемо; поэтому сохраняется на будущее время прежнее преимущество Церкви, придающее православной Церкви значеніе господствующей, а именно принадлежность къ ней Государя Императора и свобода привлеченія послѣдователей». Ясное дѣло, что въ этомъ же самомъ актѣ указываются такіе признаки, которые, должны оставить положеніе православной Церкви, какъ положеніе церкви господствующей и первенствующей. Это именно и есть тѣ признаки, которые характеризуютъ доселѣ православную Церковь, какъ таковую, какъ Церковь первенствующую. Государь Императоръ, въ силу 65 ст. основныхъ законовъ, явля-

ется верховнымъ блюстителемъ правъ церкви и, главнымъ образомъ, конечно, и тѣхъ правъ, которыя, какъ я сказалъ, составляютъ особенность и составляютъ признакъ этого господства и преимущества нашей Церкви. Господа, изъ за чего мы ломаемъ копья? Вѣдь, господа, именно то обстоятельство, что въ одномъ и томъ же актѣ указаны эти два момента, касающіеся религіозной жизни, а именно, свобода вѣроисповѣданія всѣмъ и укрѣплены права господствующей первенствующей церкви, — это именно указываетъ на то, что ничто не препятствуетъ свободѣ вѣроисповѣданія развиваться такъ, какъ она должна развиваться. Въ самомъ дѣлѣ, старообрядческое населеніе получило эти блага манифестомъ 17 апрѣля съ глубокой благодарностью. И я утверждаю это съ полной увѣренностью и убѣжденіемъ, оно далеко отъ желанія получить еще и право свободной пропаганды; оно отлично знаетъ, что это право въ рукахъ очень многихъ наставниковъ можетъ явиться тѣмъ средствомъ, которое именно разовьетъ страшный фанатизмъ среди православныхъ, что крайне нежелательно; это право можетъ повести къ столкновеніямъ и къ враждебному отношенію между православными и старообрядцами и именно нарушить тѣ отношенія, которыя, славу Богу, въ послѣднее, въ особенности, время стали довольно дружелюбными и мирными. Господа, мнѣ кажется, что не заслужать благодарности тѣ лица, которыя во что бы то ни стало хотятъ навязать это право свободной пропаганды старообрядческимъ вѣроученіямъ среди православнаго населенія. Не забывайте ни на одну минуту, что этимъ самымъ актомъ можно достигнуть только одного результата, а именно, взвинтить разныя несообразныя мечты у тѣхъ или другихъ руководителей о томъ, что именно православная Церковь можетъ быть замѣнена церковью, какъ говорятъ, «старой вѣры», церковью старообрядческой. Но, господа, я долженъ сказать и слѣдующее: если бы, допустимъ, на одинъ моментъ, вамъ угодно было предоставить это право тому или другому другому вѣроисповѣданію, то вѣдь въ данный моментъ, когда мы обсуждаемъ этотъ законопроектъ, вы должны знать тѣ вѣроисповѣданія, тѣ ученія, которыя вы хотѣли бы надѣлить правомъ пропаганды. Я, господа, не буду здѣсь останавливаться ни на догматической сторонѣ многихъ вѣроученій, не буду останавливаться на нравственномъ ученіи, но я только скажу, что если вамъ указываютъ на то обстоятельство, что бываетъ очень много старообрядческихъ толковъ, согласій, которыя своими ученіями не могутъ быть терпимы съ точки зрѣнія общественнаго и нравственнаго порядка, а такія ученія есть, — то прежде, чѣмъ разсуждать о надѣленіи всѣхъ разныхъ старообрядческихъ

и иных толковъ свободнымъ правомъ пропаганды, мнѣ бы казалось, по государственной обязанности и по государственной осторожности, должно было бы признать необходимость сначала изслѣдовать этотъ вопросъ. Господа, ни въ одномъ государствѣ не допускается свобода проповѣди, такъ сказать, безграничная, зависящая исключительно отъ усмотрѣнія того или другого лица,—вообще свобода только тогда истинная свобода, когда она не нарушаетъ произвольно свободы другихъ, и поэтому нужно въ этомъ отношеніи самое внимательное изученіе того вопроса, который подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Господа, здѣсь неоднократно указывалось на то обстоятельство, и депутатомъ Маклаковымъ здѣсь тоже указывалось въ прошломъ засѣданіи—что право вѣроисповѣданія, и право свободного распространенія или пропаганды—суть тождественныя понятія, что уже въ право вѣроисповѣданія включается, такъ сказать, и право свободного распространенія ученія. Я, господа, долженъ, сказать, что это далеко не такъ; я не буду приводить вамъ здѣсь мнѣнія какихъ нибудь духовныхъ авторитетовъ въ доказательство того, что такое положеніе не можетъ быть признано правильнымъ, ибо эти авторитеты, къ сожалѣнію, не убѣдительны для гг. лѣвыхъ, но я не могу отказать себѣ въ томъ, чтобы не привести вамъ только мнѣніе одного изъ прогрессивныхъ органовъ печати. «Слово» въ одной изъ серьезныхъ статей вовсе не отождествляетъ свободу совѣсти и свободу пропаганды, а наоборотъ считаетъ, что это два разныхъ понятія. Съ другой стороны, здѣсь, въ этой статьѣ указывается, что государство вовсе не можетъ быть безразличнымъ къ тому, какія ученія проповѣдуются въ государствѣ по отношенію къ православной Церкви. Такъ въ «Словѣ», въ № 61 1907 г., статья рѣшительно возстаетъ противъ тѣхъ, кто свободу совѣсти отождествляетъ съ свободой пропаганды: «отъ права свободно заявлять о своей принадлежности къ тому или иному вѣроисповѣданію до безпрепятственного совращенія другихъ еще очень далеко». Здѣсь же высказывается и другая совершенно вѣрная мысль—«союзное отношеніе со стороны государства должно выражаться въ охранѣ церковнаго ученія отъ открытаго и рѣзкаго его порицанія». Къ этому мнѣ ничего не остается добавить кромѣ одного: господа, вступая на путь свободы пропаганды того или иного ученія, государство должно быть въ высшей степени осмотрительно, въ высшей степени осторожно; оно должно имѣть въ виду: что принимая этотъ принципъ, очень многія группы Государственной Думы, конечно, не руководятся благами старообрядцевъ; для нихъ важно, что бы вы приняли самый принципъ пропа-

ганды, который вполнѣдствіи предоставить самую легкую возможность распространять его въ ширь и въ глубь, и по предмету ученій, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей, а это и будетъ несомнѣнно достигнуто. И я долженъ вамъ сказать, что православная Церковь вовсе не боится того, что будутъ расхищать ея чадъ, но, во всякомъ случаѣ, она не можетъ не считаться съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ вообще находится русскій народъ, народъ еще невѣжественный въ массѣ, народъ еще темный.

Правда, что тяжкій млатъ, дробя стекло, куется булатъ; правда, что что при полной свободѣ, безграничной, исповѣданія вымолотится самое чистое зерно православныхъ, но дѣло въ томъ, что стекло это будетъ здѣсь разбито зря въ угоду модѣ, въ угоду буквѣ, чуждой дѣлу спасенія души и высшимъ духовнымъ интересамъ. Господа, русская православная Церковь никогда не отличалась той нетерпимостью религіозной, въ которой такъ ее здѣсь обвиняють, но она всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, поднимала свой голосъ, когда угрожала та или другая опасность ея чадамъ быть поглощенными тѣмъ или другимъ исповѣданіемъ. Если, господа, въ жизни религіозной Россіи бывали случаи обратнаго порядка, то Церковь, какъ таковая, конечно, здѣсь рѣшительно не при чемъ. Наоборотъ, всегда Церковь своимъ любвеобильнымъ вмѣшательствомъ, именно, старалась осуществить Евангельскій завѣтъ любви къ людямъ. Эти обвиненія можно было бы отнести уже скорѣе насчетъ свѣтскихъ правителей, но нисколько не насчетъ православной Церкви. Мы, господа, признаемъ, что если на православіе такъ часто раздаются различныя обвиненія, то вовсе не въ силу того, что православное ученіе само въ себѣ имѣетъ что нибудь такое, что заставляеть на нее нападать, но, господа, вы знаете, вѣдь это не секретъ,—на православную Церковь нападаютъ чаще всего за то, что она находится въ союзѣ, въ единеніи съ государствомъ и было бы странно со стороны государства въ этомъ отношеніи, если бы оно было совершенно равнодушно къ тому, что будетъ пропонѣдываться среди чадъ Церкви. И, конечно, для православной Церкви такое равнодушное отношеніе государства не могло бы явиться безразличнымъ, и, вѣроятно, это бы послужило толчкомъ къ тому, чтобы Церковь сама стремилась отдѣлиться отъ государства. Господа, во что превратится жизнь нашей паствы, если сегодня будетъ трепать ее одинъ наставникъ, завтра другой и т. д. Мы боимся, чтобы не развился тотъ фанатизмъ, который, вообще, производилъ въ жизни народовъ самыя ужасныя бѣдствія. Вѣдь именно это религіозное движеніе страшнѣе всѣхъ, самыхъ сильныхъ

политическихъ движеній и, кто его знаетъ, не станемъ ли мы наканунѣ этого страшнаго осложненія, если въ настоящій моментъ, когда Церковь православная дѣйствительно еще не организована, какъ она должна быть организована, когда православное населеніе, какъ вообще всякое населеніе, дѣйствительно, еще чень мало грамотно и невѣжественно, въ этотъ моментъ, открыть всѣ двери и впустить туда возможность всякой пронаганды и всякаго вѣроученія, враждебнаго Церкви, иногда изувѣрнаго (Рукоплесканія справа).

Главные проблемы этики въ философскомъ ихъ освѣщеніи.

(Окончаніе *).

Г Л А В А III-я.

Основанія пессимизма и морали по Шопенгауэру и краткая оцѣнка ихъ.

§ 18. *Взаимоотношеніе вопросовъ о свободѣ воли и объ основахъ морали.*

Трактатъ Шопенгауэра «О свободѣ воли» долженъ былъ, по мысли его, доказать *двойкую необходимость* нашихъ дѣяній: извнѣ и изнутри. Извнѣ—поскольку наши мотивы, по которымъ мы дѣйствуемъ, съ необходимостью влекутъ такое, а не иное дѣйствіе; изнутри—поскольку наша основная сила, подъ дѣйствіемъ мотивовъ, необходимо выказываетъ всегда одинъ неизмѣнный характеръ, такъ какъ она и не можетъ иначе поступать, чѣмъ поступаетъ, чѣмъ какова ея природа, такъ какъ природа выказывается только въ поступкахъ. Само собою разумѣется, что такъ какъ мотивъ, по этому пониманію, не въ состояніи перемѣнить, такъ сказать, передѣлать характеръ или природу воли, то и нельзя, думаетъ Шопенгауэръ, ставить задачей этики—указать правила поведенія, указать, что человѣкъ долженъ дѣлать. Этика не можетъ претендовать научить человѣка добрымъ дѣламъ, потому что она не въ состояніи перемѣнить характеръ человѣка; а разъ она не въ состояніи перемѣнить его характера, значить, все, что онъ ни будетъ дѣлать,

*) См. «Киш. Еп. Вѣд.» № 23 за тек. г.

будеть запечатлѣно этимъ характеромъ. Эгоистъ по природѣ и въ добрыхъ дѣлахъ окажется эгоистомъ. А такъ какъ нравственная цѣнность дѣлъ не въ самыхъ дѣлахъ, а въ побужденіяхъ къ нимъ, которыя неизмѣнны, то и нельзя надѣяться, чтобы этика была въ состояніи кого-либо побудить слѣдовать какому-нибудь другому закону, а не тому, изъ котораго исходятъ его побужденія,—тому, напр., закону, о которомъ трактовалъ Кантъ. И въ сочиненіи «Объ основахъ морали» Шопенгауэръ прежде всего вооружается противъ Кантовскаго пониманія этики, какъ науки, гдѣ задача полагается «не въ томъ, чтобы привести основанія тому, что совершается, но чтобы указать законы того, что должно совершаться, хотя никогда не совершается» (въ кавычкахъ слова Канта по цитации Шопенгауэра, см. § 4, стр. 110 пер.; ср. § 83 «Міръ, какъ воля и предст.» I т.). Такая, т. е. Кантовская этика, исходила изъ апріорныхъ началъ, которыя Шопенгауэръ отвергаетъ. Самъ Шопенгауэръ избралъ для своей этики именно тотъ путь, съ которымъ Кантъ не соглашался,—путь эмпирической. Такъ какъ характеръ чловѣка не измѣняется, слѣд., его побужденія всегда въ сущности остаются одни и тѣ же, какъ бы онъ ихъ ни замаскировывалъ всякими логическими доводами, то и задача этики, думалъ Шопенгауэръ, сводится къ тому, чтобы среди всевозможнаго рода побужденій къ дѣяніямъ отыскать и побужденія чисто нравственныя. Если таковыя будутъ найдены, то эти побужденія вмѣстѣ съ воспріимчивостью къ нимъ субъекта или воли чловѣка и *будутъ послѣднимъ основаніемъ нравственности*, а знаніе ихъ—*фундаментомъ морали*» (см. стр. 201 соч. «Объ основахъ морали» пер.).

Мы указали здѣсь ту логическую связь и взаимоотношеніе сочиненій Шопенгауэра «О свободѣ воли» и «Объ основахъ морали», рѣшающихъ основные вопросы этики эмпирическимъ путемъ,—связь, въ силу которой самъ Шопенгауэръ счелъ удобнымъ подвести ихъ подъ одну рубрику, давъ имъ общее заглавіе: «Двѣ основныя проблемы этики».

Остановливаясь теперь спеціально на разборѣ второго

основного вопроса этики—объ основаніяхъ морали, мы опять, какъ и въ рѣшеніи и разсмотрѣніи перваго вопроса,—вопроса о свободѣ воли,—будемъ имѣть дѣло съ двоякаго рода соображеніями Шопенгауэра—метафизическими и эмпирическими. Первая намѣчена въ 3-й, но главнымъ образомъ, въ 4 книгѣ метафизики Шопенгауэра, т. е. сочиненія «Міръ, какъ воля и представленіе», вторая—въ сочиненіи «Объ основахъ морали». Укажемъ тѣ и другія основанія морали.

§ 19. Ученіе Шопенгауэра объ идеяхъ.

Какъ предъ разсужденіемъ о свободѣ воли мы знакомились съ воззрѣніями Шопенгауэра на *вещь въ себѣ*, такъ теперь при разсужденіи объ основахъ морали намъ предстоитъ знакомство съ его «идеєю».

Уже анализъ первой и второй книгъ «Міръ, какъ воля и представленіе» привелъ насъ къ убѣжденію, что воля или вещь сама въ себѣ Шопенгауэра есть нераздѣльная сущность всѣхъ силъ природы, присутствіе коихъ въ природѣ мы знаемъ и по непосредственному самоощущенію и чрезъ посредственное воспріятіе. 3-я книга I т. «Міръ, какъ воля и представленіе» еще ближе насъ знакомитъ съ сущностью вещей по Шопенгауэру.

Въ §§ 31 и 32 этой книги Шопенгауэръ выясняетъ взаимоотношеніе 2-хъ терминовъ: Кантовскаго «вещь въ себѣ» и Платоновскаго «идея». Въ § 31 онъ пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что оба эти понятія говорятъ объ одномъ и томъ же: о *сущности* вещей, поскольку она чужда, по Канту, всякихъ формъ, въ какихъ являются намъ вещи въ мірѣ (формъ времени, пространства, причинности),—по Платону, поскольку она чужда того, что возникаетъ только съ введеніемъ формъ,—чужда множества, возникновенія и уничтоженія (стр. 206). Въ § же 32 Шопенгауэръ вещь въ себѣ опредѣляетъ, какъ волю или сущность вещей, еще не *вошедшую* ни въ какую форму представленія (или, что то же, по Шопенгауэру,—ни въ какую форму эмпирическаго бытія), даже въ самую общую форму всякаго явленія: въ форму бытія объектомъ для субъекта. Въ этомъ случаѣ Шопенгауэръ, пользуясь терминомъ Канта, прида-

еть ему смыслъ нѣсколько иной, чѣмъ у Канта, такъ какъ Шопенгауэръ видитъ ошибку Канта въ томъ, что онъ отъ *вещи въ себѣ* не отрицалъ одной самой общей формы всякаго явленія, формы бытія ея объектомъ для субъекта. Вещь въ себѣ по Канту должна быть свободна отъ всѣхъ формъ, свойственныхъ познанію, какъ такому, «потому онъ (Кантъ) долженъ бы былъ положительно отказать своей вещи самой въ себѣ въ бытіи объектомъ, что предохранило бы его отъ его большой, рано замѣченной непослѣдовательности (210 стр.). Платоновскую же *идею*, усвояя ее своей терминологіи, Шопенгауэръ опять таки видоизмѣнилъ: онъ считаетъ идею также волей, или сущностью вещей, но уже объективировавшеюся, т. е. доступною субъекту, представляющему подъ единственной формой представляемости вообще въ формѣ бытія объектомъ для субъекта,—въ формѣ, уже предполагающей множество. Это есть хотя непосредственная объективация, *адекватная вещи самой въ себѣ*, но подъ *формой представленія* (210 стр.)—и потому вещь въ себѣ, распавшаяся на множество идей, которыя суть «опредѣленные виды, или первобытныя, неизмѣнныя формы и свойства всѣхъ естественныхъ, какъ неорганическихъ, такъ и органическихъ тѣлъ, а равно и общія силы, обнаруживающіяся по законамъ природы» (203 стр. § 30.). Но это множество или разнообразіе идей отлично отъ того множества, въ какомъ являются индивидуумы,—множества, обусловленнаго пространствомъ, временемъ и законами причинности. Идеѣ, говоритъ Шопенгауэръ (какъ раньше, мы видѣли, говорилъ «*вещи въ себѣ*») «не свойственно ни множество, ни измѣняемость», но множество здѣсь отрицается у идей, очевидно, въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно говорить о многихъ индивидуумахъ одной породы, а не въ томъ, напр., смыслѣ, будто одна и та же идея порождаетъ челоуѣка и животнаго или скалу... Идеи много въ смыслѣ того ихъ высшаго разнообразія, которое основополагаетъ *различныя роды* вещей, несводимые другъ къ другу (*ibid.*).

Проще сказать, если вещь въ себѣ есть сущность всѣхъ вещей, то идеи—сущность породъ или родовъ вещей. Но есть вѣдь еще отдѣльныя вещи. Ихъ Шопенгауэръ называетъ уже не

вполнѣ адекватнымъ выраженіемъ сущности вещей, конечно, въ силу тѣхъ индивидуальныхъ различій, какія привносятся къ вещамъ съ извѣстнымъ ихъ положеніемъ во времени, пространствѣ, въ причинномъ ряду (210—211 стр. § 32).

Такъ какъ и каждый человѣкъ долженъ же имѣть какую-либо сущность, какая присуща всему существующему (вещамъ), какая породила все въ мірѣ, то онъ есть вещь въ себѣ; но какъ принадлежащій къ извѣстной породѣ, строго раздѣленной отъ всякой другой, не сводимый ни къ какой другой, онъ есть уже не непосредственное порожденіе вещи въ себѣ; онъ причастенъ вещи въ себѣ лишь въ одномъ изъ ея познаваемыхъ нами выраженій въ представленіи (въ общей формѣ объективности), какъ идея человѣка вообще: но какъ отдѣльная эмпирическая вещь, человѣкъ есть индивидуумъ, т. е. осуществленіе одной изъ идей—идеи человѣка—въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ формахъ времени, пространства и причинности. Такова генеалогія вещей по Шопенгауэру.

Ей соотвѣтствуетъ и познаніе. Такъ какъ идеи и есть то, что вещь въ себѣ или волю разбиваетъ на множество индивидуальныхъ умовъ или, что то же, порождаетъ міръ, какъ представленіе, то познавая идеи, мы познаемъ міръ, какъ представленіе, во всей его чистотѣ, не омраченной еще временемъ и пространствомъ по закону причинности, но уже въ общей формѣ представляемости, въ формѣ бытія объекта для субъекта. «Когда индивидуумъ, говоритъ Шопенгауэръ, возвышается до чистаго субъекта познанія, возвышая тѣмъ самымъ созерцаемый объектъ до идеи, впервые міръ вполнѣ и чисто выступаетъ, какъ представленіе, и является полная объективация воли, такъ какъ одна только идея есть ея адекватная объективация. Последняя тоже заключаетъ въ себѣ объектъ и субъектъ, такъ какъ они единственная ея форма» (§ 34, стр. 216 I т. «Міръ, какъ воля и пред...»). Эта форма и есть та форма, въ которой, припомнимъ сказанное нами въ 1-й нашей главѣ, только и можетъ быть познана вещь сама въ себѣ по Шопенгауэру или воля.

Только мы тогда останавливались болѣе на логической

сторонѣ вопроса, старались выяснитъ право, по какому мы за извѣстнымъ даннымъ представленія должны признавать значеніе вещи въ себѣ или сущности, а все остальное, данное въ представленіи, должны относить къ формѣ. Теперь мы, вслѣдъ за Шопенгауэромъ, остановимся на психологической сторонѣ вопроса,—на самомъ процессѣ, какъ намъ рисуется сущность вещей, какъ эта сущность выдѣляется изъ ряда формъ въ нашемъ познаніи, такъ какъ именно на этомъ различіи познанія Шопенгауэръ полагаетъ различіе въ моральномъ поведеніи.

§ 20. Способы умпостиженія идей.

Какъ индивидуумъ, т. е. какъ самъ положенный въ извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ по закону достаточнаго основанія, границахъ, человѣкъ прежде всего стремится познать въ вещахъ то, что для него важно, какъ для индивидуума, т. е. всѣ тѣ отношенія, какія опредѣляются въ вещахъ по закону достаточнаго основанія—по вопросамъ: гдѣ, когда, почему *). Таково познаніе эмпирическое вообще и научное въ частности, такъ какъ и научное отличается отъ обычнаго опытнаго только большей систематичностью (§ 33, I «Міръ, какъ воля и представленіе»). Это интересъ всѣхъ людей, ищущихъ, какъ бы лучше устроиться въ этомъ земномъ мірѣ.

Но въ человѣкѣ вѣдь живетъ и дѣйствуетъ извѣстная сущность, безъ которой вся его временно-пространственная сторона (тѣло) была бы мертвою, такъ какъ она только ею оживляется. И хотя, правда, эта сущность находится въ тѣлѣ, и, поскольку она въ тѣлѣ, она слѣдитъ за всѣми отношеніями, въ какихъ наше тѣло стоитъ или можетъ стоять къ другимъ тѣламъ, однако она не обнимается тѣломъ: тѣло не самая вещь въ себѣ и она не сводится на отношенія временнопростран-

*) Это, во-первыхъ, отношеніе вещей къ самой волѣ, которой принадлежитъ интеллектъ (т. е.), къ самому нашему индивидууму, въ силу чего данныя интеллекта и являются *мотивами* нашей воли; во-вторыхъ, это суть отношенія вещей другъ къ другу, насколько они лежатъ въ интересахъ той же воли (индивидуума), хотя и служатъ ей болѣе околнымъ, отдаленнымъ путемъ (ibid. 212; ср. начала XXIX гл. II т. Міръ, какъ воля и пред...»).

ственные. *Идея каждой вещи или та ея сторона, которая отображает (такъ или иначе) самую вещь въ себѣ, вѣдь заключается не въ этихъ пространственныхъ, временныхъ и причинныхъ отношеніяхъ, потому что она прежде всѣхъ ихъ, прежде всякой опредѣленности и для нея всѣ эти отношенія не существенны. Идея—не есть ни отдѣльный предметъ, или сумма отношеній (признаковъ и свойствъ), эмпирически подлѣ положенныхъ рядомъ другъ съ другомъ, хотя она (идея) присуща каждой отдѣльной вещи, а слѣд., и всѣмъ ея отношеніямъ, —ни логическое понятіе, или сумма отношеній, логически связанныхъ въ извѣстныя группы. Слѣд., пока наше познаніе не выходитъ за предѣлы этихъ отношеній, оно не овладѣваетъ идеею вещи. Чтобы познать идею вещи, думаетъ Шопенгауэръ, человѣку нужно на нѣкоторое время перестать быть индивидуумомъ, отвлечься отъ его интересовъ, т. е. отъ «отношеній», перестать служить себѣ, какъ индивидууму, перестать служить своей волѣ (§ 33, 1 т. «Міръ, какъ воля...»). Отвлечься отъ своего временнопространственнаго, это значить—взойти на степень или состояніе чистой идеи, самому выражать свою собственную идею въ чистомъ видѣ, быть чистымъ безвольнымъ субъектомъ познанія, *познающимъ* и только. И тогда уже, когда а) не какъ индивидуумъ, а какъ чистый и безвольный субъектъ, в) когда «уже не преслѣдуетъ согласно закону основанія *отношеній*, и с) успокаивается и разрѣшается въ незыблемомъ созерцаніи предстоящаго объекта, внѣ его связи съ чѣмъ-либо другимъ»,—тогда человѣкъ познаетъ *идею* вещи (см. нач. § 34, 1 т. «Міръ, какъ воля и пред.», 214 стр.; также § 49, 1 т. стр. 283),—тогда внѣшне наблюдаемый предметъ—уже не отдѣльная вещь, а *идея* своего рода, воплощеніе ея и заступаетъ мѣсто безчисленнаго множества отдѣльныхъ вещей (§ 49, 1 т. стр. 282—3) и, какъ такая, она выступаетъ уже безотносительно къ намъ и къ другимъ вещамъ. «Познающій индивидуумъ, какъ такой, и познаваемая имъ отдѣльная вещь—всегда гдѣ-либо, когда-либо, и звено въ цѣпи причинъ и дѣйствій. Чистый субъектъ познанія и его соотвѣтствующее (*korrelat*), идея, выступили изъ всѣхъ*

означенныхъ формъ закона основанія: время, пространство, познающій индивидуумъ и познаваемый индивидуумъ *не имѣютъ для нихъ значенія* (§ 34, I т. 215 стр.). Вещь созерцаемая и созерцающій ее субъектъ, такимъ образомъ, настолько сближаются, что «все сознание уже нечто иное, какъ ясный образъ такого (т. е. созерцаемаго) предмета» (ibid. 216 стр.),—все сознание—чистое представление *другихъ* вещей безъ малѣйшаго сознания о *самихъ себѣ*, о своей волѣ. Такое познание Шопенгауэръ называетъ художественнымъ познаниемъ (нач. XXIX гл., II т. «Миръ, какъ воля и пред.». 448 стр.), и есть познание *объективной сущности* вещей (гл. XXX, II т.). Въ волѣ, насколько мы ее знаемъ въ себѣ, сказывается намъ сущность вещей съ субъективной стороны; въ художественномъ же познаніи, гдѣ возникаетъ чистый образъ сущности вещей, она познается съ объективной стороны, т. е. насколько мы ее знаемъ въ другихъ (ibid.).

§ 21. *Разъясненіе способовъ познанія идей на примѣрахъ.*

Художественное познание или познание объективной сущности вещей Шопенгауэръ разъясняетъ на примѣрахъ. «Когда идутъ облака, фигуры, ими образуемая, для нихъ не существенны, для нихъ безразличны; но то, что они—эластическій паръ, сгущаемый порывами вѣтра, уносимый, растягиваемый, разрываемый, въ этомъ ихъ природа, это сущность силъ, которая въ нихъ объективируется, идея; фигуры же въ данномъ случаѣ существуютъ только для индивидуальнаго наблюдателя. Ручью, сбѣгающему по камнямъ, безразличны и не существенны водовороты, волны, комки пѣны, образуемые имъ по пути; а то, что онъ слѣдуетъ тяготѣнію, показываетъ себя не эластичной, вполнѣ подвижной, безформенной прозрачной жидкостью—въ этомъ его сущность, въ этомъ, при *созерцательномъ познаніи*, его идея: только для насъ, пока мы познаемъ, какъ индивидуумы, существуютъ означенные образы. Ледъ на оконныхъ стеклахъ образуется по законамъ кристаллизаціи, которые представляютъ сущность высказывающейся здѣсь силы природы,—идею; но деревья и цвѣты, которые онъ образуетъ, несущественны и существуютъ только для насъ. То, что проявляется въ облакахъ, ручьѣ,

и кристаллъ, есть только слабѣйшій отголосокъ той воли, которая болѣе совершеннымъ образомъ проступаетъ въ растеніи, еще совершеннѣйшимъ—въ животномъ и несовершеннѣйшимъ—въ человѣкѣ. Но одно *существенное* на всѣхъ оныхъ ступеняхъ ея объективации составляетъ идею» (§ 35, I, 218—219 стр.). «Тотъ фактъ, что *художественныя* произведенія такъ сильно облегчаютъ воспріятіе идей,—въ чемъ и состоитъ эстетическое наслажденіе,—основывается только на томъ, что искусство, подчеркивая существенное и выдѣляя несущественное, рисуетъ намъ предметы отчетливѣе и рельефнѣе, чѣмъ дѣйствительность» (XXX гл, II т. «Міръ, какъ воля и пред.», 451—2 стр.).

Съ *субъективной* стороны художественное познаніе иллюстрируется у Шопенгауэра примѣрами, показывающими, что при художественномъ познаніи наша воля молчитъ, не затрогивается, затрогивается же одинъ только интеллектъ. «Чтобы убѣдиться въ томъ, что строго объективное и поэтому правильное пониманіе вещей возможно только тогда, когда мы разсматриваемъ ихъ безъ всякаго личнаго участія,—слѣд., при полномъ молчаніи воли,—довольно только представить себѣ, какъ сильно затемняетъ и искажаетъ познаніе каждый аффектъ или страсть, и даже каждая склонность и антипатія, какъ они не только извращаютъ наше сужденіе, но даже искажаютъ, не-вѣрно окрашиваютъ и затемняютъ первоначальное воспріятіе предметовъ. Довольно только вспомнить, какъ въ минуты радости по поводу какой-либо неожиданной удачи весь міръ тотчасъ же рядится предъ нами въ радужныя краски и улыбается намъ. Но какъ онъ мраченъ и печаленъ, когда насъ угнетаетъ горе, какъ даже бездушныя вещи, даже числа и буквы печати могутъ иногда скалить на насъ зубы и дѣйствовать на наши нервы, какъ какія то ужасныя чудовища! Только тогда, когда воля со своими интересами освобождаетъ сознаніе, интеллектъ свободно слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ и, какъ чистый субъектъ, отражаетъ объективный міръ и при этомъ хотя и безъ всякихъ побужденій со стороны воли, по своему собственному почину онъ достигаетъ высшей напряженности въ своей дѣятельности:

тогда появляются формы и краски въ ихъ настоящемъ и полномъ значеніи. Только изъ такого воспріятія и могутъ возникать художественныя произведенія» (XXX гл. II т. «Міръ, какъ воля и пред...» 455—6 стр.). «Тотъ фактъ, что художественныя произведенія такъ сильно облегчаютъ воспріятіе идей,—въ чемъ и состоитъ эстетическое наслажденіе,—основывается—точнотакже и на томъ, что полное молчаніе воли, необходимое для строго объективнаго пониманія сущности вещей, лучше всего достигается тѣмъ, что созерцаемый объектъ совсѣмъ не лежитъ въ области предметовъ, которые могли бы имѣть отношеніе къ волѣ, такъ какъ онъ не есть что-либо дѣйствительное, а только образъ» (ibid. 452 стр.).

«Если поэтъ воспѣваетъ ясное утро, чудный вечеръ, тихую лунную ночь и т. п., то незамѣтно для него настоящимъ предметомъ его прославленія является чистый *субъектъ* познанія, какой вызывается этими красотами природы и при появленіи котораго воля уходитъ изъ сознанія; такимъ путемъ и возникаетъ то спокойствіе сердца, которое другимъ путемъ, кромѣ этого, не можетъ быть достигнуто въ этомъ мірѣ» (ibid.).

§ 22. Роль познанія въ ученіи объ основахъ морали.

Мы думаемъ, что для читателя теперь должны быть ясны два способа познанія вещей по Шопенгауэру: одинъ въ интересахъ нашей воли, ей прислуживающей, слѣдящей за тѣмъ, что въ вещахъ опредѣляется со стороны достаточнаго основанія; другой—художественный, слѣдящей исключительно за сущностью вещей. Другое дѣло, насколько правильно сдѣлано Шопенгауэромъ подобное разграниченіе—волеваго познанія и безвольнаго и таковъ-ли смыслъ приведенныхъ имъ примѣровъ, какой Шопенгауэръ придаетъ имъ. Для насъ важно то, что на этомъ разграниченіи 2-хъ родовъ познанія у Шопенгауэра разъясняется два главныхъ положенія его этики, пессимистическое и моральное: а) міръ полонъ страданій и в) нравственность заключается въ состраданіи. Первое положеніе вытекаетъ изъ того сознанія, гдѣ заправляющею познаніемъ является воля, гдѣ, слѣдовательно,

познаніе слѣдитъ за отношеніями вещей,—словомъ—познаніе перваго рода: ко второму положенію человѣкъ приводится вторымъ родомъ познанія вещей, гдѣ сознанию рисуется объективный образъ самой сущности вещей. Такъ какъ въ первомъ познаніи воля ищетъ удовлетворенія *своимъ* стремленіямъ, а они безконечны, то перваго рода сознательная дѣятельность воли не приводитъ къ удовлетворенію и покою; она даетъ обманчивое удовлетвореніе,—лишь удовлетвореніе, соразмѣрное силѣ предшествующаго страданія. Это и есть идея пессимизма Шопенгауэра.

Только втораго рода дѣятельность сознанія, проникающая въ существо вещей, даетъ покой душѣ, во-первыхъ въ эстетическомъ удовлетвореніи—въ *созерцаніи* сущности вещей, во-вторыхъ, въ моральной дѣятельности, т. е. такой дѣятельности, гдѣ, въ виду сознанія тожества *своей* и *чужой* сущности воли, происходитъ освобожденіе чужой воли отъ страданія въ актахъ любви или состраданія, наконецъ, въ-третьихъ—въ святости, т. е. въ такой дѣятельности, именуемой у Шопенгауэра аскетизмомъ, которая приводитъ субъекта къ освобожденію и отъ собственнаго страданія чрезъ полное отрицаніе въ себѣ воли къ жизни. Это три ступени по пути къ спасенію, но собственно мораль Шопенгауэра—2-я ступень. Итакъ, посмотримъ теперь, какія основанія приводитъ Шопенгауэръ для идеи пессимизма и морали?

§ 23. Первое основаніе пессимизма по Шопенгауэру.

Сущность идеи пессимизма Шопенгауэра собственно не въ томъ только, что жизнь полна страданій, а и въ томъ, что этихъ страданій нельзя потушить путемъ ихъ удовлетворенія или, что то же для Шопенгауэра, путемъ стремленія къ *счастью*. Сообразно этому и основанія пессимизма Шопенгауэра въ томъ, что служить основаніемъ страданій. Основаніе же страданій, прежде всего, кроется въ несвободѣ воли, т. е. въ томъ, что волѣ (или сущности всего, являющагося въ мірѣ) неизбѣжно, необходимо, по самой ея сущности свойственно стремленіе къ жизни, и, какъ существенное ей, это стремленіе безконечно: «каждая достигнутая цѣль есть начало новаго поприща и такъ до

безконечности (§ 29 «Миръ, какъ воля и пред.» 1 т. стр. 199). «Воля, говоритъ Шопенгауэръ, на всѣхъ ступеняхъ своего проявленія, съ низжайшей до высочайшей, лишена послѣдней цѣли и меты, постоянно стремится, такъ какъ единственная ея сущность—стремленіе, коему никакая достигнутая цѣль не полагаетъ конца, которое, поэтому, ни къ какому конечному удовлетворенію не способно, а только можетъ быть задержано преградой, само же по себѣ идетъ въ безконечность» (§ 56, стр. 375, 1 т. «Миръ, какъ воля и пред.»...).

Такое стремленіе присуще и человѣческой волѣ и, поскольку она достигнетъ ряда своихъ частныхъ человѣческихъ цѣлей, мы испытываемъ то, что называется удовлетвореніемъ, благополучіемъ, счастьемъ; задержка въ удовлетвореніи ея цѣлей вызываетъ страданіе.

По аналогіи тѣ же названія касательно удовлетворенности и неудовлетворенности цѣлей могутъ быть перенесены и на тѣ роды стремленій, какія преслѣдуетъ остальная одушевленная и неодушевленная природа, и тогда мы увидимъ, говоритъ Шопенгауэръ, всю природу, объятую «постояннымъ страданіемъ и безъ пребывающаго счастья» (ibid. 377 стр.). Однако градація этихъ состояній различная, смотря по различію степени развитости сознанія: гдѣ больше сознанія, тамъ больше скорби, *qui auget scientiam, auget et dolorem* (изреченіе изъ кн. Еккл., см. ibid.). Почему же больше скорби, а не радости? Конечно, и радости, но все-таки «всякая жизнь есть страданіе», а не радость, доказываетъ Шопенгауэръ, во-первыхъ, потому что источникъ жизни—стремленіе, а «всякое стремленіе возникаетъ изъ недостатка, изъ недовольства своимъ состояніемъ, есть, слѣд., страданіе, пока не удовлетворено», Во-вторыхъ, «никакое удовлетвореніе не продолжительно, а скорѣе оно исходный пунктъ новаго стремленія» (§ 56, стр. 377, 1 т. «Миръ, какъ воля и пред.»), т. е. новаго страданія. Итакъ, страданіе положительно, счастье же отрицательно, такъ какъ оно только ощущеніе степени удовлетворенности стремленій—страданій. Что страданіе положительно, а счастье или удовлетвореніе отрицательно, Шопенгауэръ

раз'ясняетъ въ §§ 57—59 т. 1 «Міръ, какъ воля и предст....». Эти раз'ясненія сравнительно съ двумя указанными основаніями ничего новаго не даютъ. Такъ въ § 58 Ш—ръ выясняетъ отрицательность удовольствія, во-первыхъ, тѣмъ, что желаніе, т. е. чувство недостатка предшествуетъ всякому наслажденію, такъ что наслажденіе ничѣмъ инымъ и быть не можетъ, какъ удовлетвореніемъ нуждъ, освобожденіемъ отъ страданія. Дальше,— всякій трудъ съ цѣлю добиться чего-нибудь не приводитъ къ чему-либо другому, кромѣ какъ къ возвращенію къ прежнему состоянію, т. е. состоянію стремленія или страданія.—ѐще. Только страданіе дано намъ непосредственно а «удовлетвореніе и наслажденіе можемъ мы познавать только посредственно, черезъ воспоминаніе о предшествующемъ страданіи и лишеніи, которое исчезло съ его наступленіемъ» (§ 58, 1 т. 389 стр.). Отсюда и происходитъ, что мы, только потерявъ что-нибудь, начинаемъ чувствовать цѣну потеряннаго, его благо, ибо чувствуемъ недостатокъ, т. е. нѣчто положительное, заявляющее о себѣ. Наконецъ, что счастье отрицательно, а не положительно, это показываетъ самая его кратковременность, и искусство, изображая героя, быстро задвигаетъ завѣсу, когда повидимому всѣ препятствія устранены и должна бы начаться счастливая жизнь, потому что иначе пришлось бы показать, что и послѣ достиженія цѣли герою ничуть не стало лучше, чѣмъ прежде (ibid.).

Въ противовѣсъ оптимизму Ш—ръ въ § 59 показываетъ, что этотъ наилучшій изъ міровъ, однако, настолько худъ, что у Данте, взявшаго матерьялъ для своего ада, конечно, изъ нашего міра, получился довольно презрядный адъ.

Мы не будемъ изображать всѣхъ варіацій, въ какихъ Ш—ръ развивалъ мысль о бѣдственности существованія на землѣ, потому что насъ интересуютъ лишь основанія пессимизма, а не самый пессимизмъ; кромѣ того, бѣдственность человѣческаго существованія на землѣ и для насъ фактъ: богословъ долженъ всегда помнить опредѣленіе Божіе, павшее на голову рода человѣческаго: «въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ», «въ болѣзняхъ родиши чада»... Другое дѣло, какіе выводы дѣлаетъ Ш—ръ изъ

этого факта, но объ этомъ послѣ. Теперь же для насъ пока важна положительная сторона воззрѣній Шопенгауэра: а) стремленія—страданія, в) удовлетвореніе ихъ не уничтожаетъ самага стремленія, слѣд, оно отрицательно, оно лишь палліативъ къ страданіямъ, наконецъ, с) удовлетвореніе не только не уничтожаетъ стремленія, но и *усиливаетъ* его, закрѣпляетъ. Эта третья (с) мысль развивается Ш—ромъ въ § 60. Здѣсь показывается смыслъ удовлетворенія стремленій воли, или тѣла (такъ какъ тѣло человѣка—объективация воли): это удовлетвореніе обезпечиваетъ жизнь волѣ не только въ индивидуумѣ, но оно, становясь источникомъ новыхъ человѣческихъ поколѣній (въ половомъ актѣ), питаетъ жизнь воли вообще. Этимъ обезпеченіемъ жизни волѣ, въ мірѣ закрѣпляется страданіе. Воля ищетъ счастья—находитъ страданіе. Жизнь полна трагикомизма.

§ 24. Второе основаніе пессимизма по Шопенгауэру.

Другое основаніе идеи пессимизма, которое можетъ быть названа эмпирическимъ, хотя оно одинаково фигурируетъ и въ сочиненіи «Міръ, какъ воля и представленіе» (§ 61, т. 1), т. е. въ метафизикѣ Ш—ра, и въ сочиненіи «Объ основахъ морали» (§ 14), трактующемъ объ основахъ этики по эмпирическимъ даннымъ,—«эгоизмъ» или «борьба всѣхъ индивидуумовъ противъ всѣхъ». Оно можетъ быть названо эмпирическимъ, потому что оно принадлежитъ волѣ, не какъ волѣ, т. е. не самой сущности всего, а уже обнаруженію воли,—волѣ, поскольку она руководится *познаніемъ*, т. е. поскольку она обосновывается эмпирическимъ базисомъ.

Эмпирическія вещи, или воля, какъ она является въ мірѣ, въ представленіи, раздѣлены временемъ и пространствомъ,—формами, посредствомъ которыхъ только и возможно множество однороднаго. Эти формы поэтому называются Ш—ромъ princip'—омъ individuationis. Хотя это раздѣленіе не существенно самой волѣ, и она всюду одна, но эмпирически каждый индивидуумъ лишь себя познаетъ, какъ нѣчто реальное, какъ самую волю, все же остальное лишь, какъ представленіе. Поэтому, желанія каждаго—неограниченныя желанія, есть желанія только для себя,

такъ какъ каждый только себя чувствуетъ единицею, все же остальное—нулемъ. Если онъ внѣ себя чѣмъ-либо и интересуется, то лишь насколько онъ лично затронутъ: «на свою собственную смерть смотритъ каждый, какъ на конецъ міра, тогда какъ онъ слышитъ о смерти своихъ знакомыхъ, какъ о вещи довольно безразличной, если онъ какъ-нибудь лично ею не заинтересованъ» (§ 61, стр. 406, 1 т. «Міръ, какъ воля и пред...»). Въ силу же этого на все прочее онъ смотритъ лишь, насколько оно служитъ къ его сохраненію, такъ что всѣми прочими, рядомъ стоящими съ нимъ индивидуумами, онъ готовъ пользоваться для себя. Но такъ какъ и каждый другой индивидуумъ питаетъ въ себѣ такія же намѣренія, то эгоизмъ личный переходитъ въ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ,—борьбу, служащую источникомъ новыхъ страданій (ibid.).

Что этотъ, такъ метафизически изъясняемый, эгоизмъ есть эмпирически достовѣрный фактъ, на этомъ Ш—ръ настаиваетъ въ § 14 сочиненія «Объ основахъ морали». Эгоизмъ—это сила, съ которою приходится сражаться и нравственнымъ импульсамъ. Она же есть то зло, ради котораго выдумали государственное устройство. Эгоизмъ индивидуума, вторгающійся въ жизнь другихъ индивидуумовъ, въ видахъ подтвержденія своей воли, Ш—ръ называетъ *несправедливостью*. Несправедливый человѣкъ и есть *злой* человѣкъ. Актъ несправедливости показываетъ, «во-первыхъ, что въ такомъ человѣкѣ высказывается черезъ мѣру сильная, далеко за подтвержденіе собственнаго своего тѣла переходящая воля; и во-вторыхъ, что познаніе его, вполне преданное закону основанія и объятое *principio individuationis*, остановилось упорно на полагаемомъ послѣднимъ полнѣйшемъ различіи между его собственнымъ лицомъ и всѣми другими» (444 стр. § 65, 1 т.). Такова характеристика злого, дѣйствующаго несправедливо. Такъ какъ такое состояніе естественно въ мірѣ, по ученію Ш—ра, то для него естественъ былъ вопросъ, есть ли въ мірѣ истинно нравственное поведеніе, особенно если имѣть въ виду неизмѣнность направленія, разъ принятого волею. И Ш—ръ отвѣчаетъ утвердительно. Въ § 15 своего сочиненія

«Объ основ. морали» онъ приводитъ и примѣры безкорыстныхъ, т. е. истинно-нравственныхъ поступковъ, по терминологіи Шопенгауэра. Но вотъ вопросъ, почему онъ только такого рода поступки именуеъ *нравственными*? Далѣе, какъ ихъ привязать къ волѣ, которая *по природѣ* эгоистична? Какъ ихъ *вывести* изъ нея?

Отвѣтъ на эти два вопроса и составляютъ задачу сочиненія Ш—ра «Объ основахъ морали», хотя и въ соч. «Миръ, какъ воля и пред...» высказываются почти тѣ же мысли, тѣ же основанія. Всѣ вмѣстѣ они перечислены въ § 16 соч. «Объ основахъ морали», разборомъ котораго мы и займемся въ слѣдующемъ §.

§ 25. Основанія морали.

Если мы прослѣдимъ всѣ здѣсь приведенныя основанія истинной нравственности, то нѣкоторыя окажутся уже извѣстными намъ и разобранными раньше, другія—новыми. Всѣхъ ихъ девять, и первыя два, мы знаемъ, утверждаютъ несвободу воли, третье и четвертое—истинный импульсъ всякаго дѣянія: благо или страданіе воли. Съ этими мы уже знакомы. Пятое, шестое, седьмое, восьмое и девятое разграничиваютъ всѣ дѣянія на двѣ категоріи: на дѣянія, гдѣ имѣется, хотя бы отдаленная, но *моя* польза (эгоизмъ), и на дѣянія, гдѣ преслѣдуется чужая выгода (альтруизмъ), и вторымъ придана значимость нравственныхъ, отъ первыхъ же она отнята вполнѣ. Почему? Шопенгауэръ дѣлаетъ ссылку на § 5, гдѣ этотъ вопросъ разобранъ. А въ § 5 сказано, что обязанностей касательно меня не можетъ быть, которыя вытекали бы изъ нравственныхъ принциповъ, потому что они не могутъ быть ни правовыми, ни обязанностями любви. Правовыми они не могутъ быть потому, что не можетъ быть нарушенія *моего* права тамъ, гдѣ все дѣлается по своему же хотѣнію. «Что же касается обязанностей любви, то въ этомъ случаѣ мораль застаеъ свое дѣло уже сдѣланнымъ и является слишкомъ поздно. Невозможность нарушенія обязанностей себялюбія уже предполагается верховною заповѣдью христіанской морали: «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя» (*ibid.* 118 стр.).—Но вѣдь это не исключаетъ возможности итти противъ

самого себя, итти въ разрѣзъ съ Божественными законами, если не съ человѣческими, т. е. не исключаетъ возможности иныхъ принциповъ для оцѣнки дѣйствій, касающихся меня. И почему, при оцѣнкѣ нравственныхъ импульсовъ, удерживается правовая точка зрѣнія и точка зрѣнія любви? Почему непременно эти два принципа?—Это объясняется увлеченіемъ Ш—ра одностороннею идеею: нравственность изобразить, какъ состраданіе [въ виду эмпирическихъ фактовъ безкорыстнаго дѣйствования подъ вліяніемъ чувства состраданія]. Съ этимъ согласовались и его метафизическія тенденціи, такъ какъ съ его пессимизмомъ мирилась только такая мораль, которая цѣлью своею ставила бы избавленіе отъ того мірового страданія, которое вносится [по Ш—ру] началомъ дѣятельнымъ, волею, ищущею своего удовлетворенія, т. е. удовольствія. Въ чемъ же Ш—ръ полагаетъ основаніе такой морали?

Въ началѣ § 66, I т. «Міръ, какъ воля и представленіе» Ш—ръ заявляетъ: «мораль безъ основанія, слѣд., одно морализированіе дѣйствовать не можетъ, такъ какъ она не мотивируетъ. Но мораль, которая мотивируетъ, достигаетъ этого, только вліяя на себялюбіе. Но то, что исходитъ изъ послѣдняго, не имѣетъ моральнаго значенія. Изъ этого слѣдуетъ, что посредствомъ морали и вообще абстрактнаго познанія никакой настоящей добродѣтели достигнуть невозможно, а таковая должна истекать изъ интуитивнаго познанія, которое признаетъ въ чужомъ индивидуумѣ то же существо, что и въ собственномъ» (450 стр.). Итакъ, основаніе нравственной дѣятельности—въ интуитивномъ познаніи. Но здѣсь является недоумѣніе.

Вѣдь когда Ш—ръ трактовалъ о несвободѣ воли, то увѣрялъ, что никакія догмы, философы, правила не вліяютъ на характеръ поступка, духовное настроеніе не измѣняется и напрасно было бы отъ эгоиста ожидать безкорыстнаго поступка (362—3 стр. I т. «Міръ, какъ воля и предъ...»). А теперь, разъ воля по *природѣ* признана эгоистичною, значитъ, если можетъ быть достигнута безкорыстность въ дѣйствіяхъ, измѣненіе ея направленія, то она можетъ быть достигнута только какъ нибудь извнѣ, изъ познанія, а не извнутри, чрезъ перемѣну сущности.

Если же раньше познаніе было признано безсильнымъ, то какъ же теперъ Ш-ръ снова выдвигаетъ его на сцену?

Правда, это познаніе—другого рода, интуитивное: но и помимо того для Ш-ра этотъ вопросъ казался удобно разрѣшимымъ: злой по характеру не можетъ стать добрымъ вслѣдствіе познанія, потому что самое-то познаніе въ чужомъ индивидуумѣ своего «я» возможно только для добраго, не эгоистическаго характера,—для характера, способнаго отвлечься отъ стремленій своей воли. Такое отвлечение на первой ступени достигается въ искусствѣ, въ эстетическомъ наслажденіи, гдѣ воля моего «я» настолько стушевывается, что почти не ощущается. Такимъ-то объясненіемъ устраняется вопросъ, какъ можетъ въ мірѣ явиться противорѣчивое индивидуальной воли (какъ стремленію къ собственной жизни) направленіе. Такъ какъ индивидуальность является съ познаніемъ, съ представленіемъ, то интуитивное представленіе или познаніе самой сущности, кроющейся за индивидуумомъ, рождаетъ и иное направленіе. «Истинная доброта настроенія, безкорыстная добродѣтель и чистое благородство не исходитъ, такимъ образомъ, изъ абстрактнаго познанія, но все таки изъ познанія: именно изъ непосредственнаго и интуитивнаго, котораго нельзя ни *отрезонировать*, ни *прирезонировать*;—изъ познанія, котораго, такъ какъ оно не абстрактное, нельзя и сообщать, но которое само должно возникнуть во всякомъ, которое, поэтому, находитъ свое дѣйствительное адекватное выраженіе не въ словахъ, а единственно въ поступкахъ, въ дѣяніяхъ, въ жизненномъ поприщѣ чловѣка» (§ 66, стр. 453—4, 1). Это нравственный характеръ, проникающій за предѣлы *principii individuationis*, характеризуется, во-первыхъ и прежде всего, какъ отвращающійся отъ *несправедливости*: справедливый «не станетъ для увеличенія собственнаго благополучія причинять другимъ страданія, т. е. онъ не сдѣлаетъ преступления, будетъ уважать права, собственность каждаго» (*ibid.* 453 стр.). Что такой порядокъ поведенія нравствененъ, показываютъ а) угрызения совѣсти при нарушеніи его, в) собственная удовлетворенность при слѣдованіи ему, с) одобреніе постороннѣ

нихъ незаинтересованныхъ лицъ (§ 66, I т. «Міръ, какъ воля и пред.»., ср. § 15 «Объ основахъ морали»).

Какъ въ § 66 «Міръ, какъ воля и пред.».. мораль характеризовалась съ отрицательной стороны, какъ отсутствіе несправедливости, такъ въ § 67 она, такъ сказать, во-вторыхъ, характеризуется съ положительной стороны, какъ любовь, и самая любовь понимается, какъ состраданіе: «всякая любовь (*ἀγάπη*, *caritas*) есть состраданіе» (459 стр.). «Я долженъ напомнить, говоритъ Ш-ръ, что, какъ раньше мы нашли, жизни въ цѣломъ страданіе существенно и съ нею нераздѣльно и что, какъ мы убѣдились, каждое желаніе проистекаетъ изъ потребности, изъ недостатка, что поэтому каждое удовлетвореніе есть только устраненное страданіе, а не принесенное положительное счастье... Что бы, поэтому, доброта, любовь и благородство ни дѣлали для другихъ, все это лишь утоленіе ихъ страданій, и, слѣд., то, что можетъ побудить ихъ къ добрымъ дѣламъ и дѣламъ любви, есть все-таки одно *познаніе чужого страданія*.—Изъ этого слѣдуетъ, что чистая любовь по природѣ своей—состраданіе» (460 стр.). О томъ, какъ возможно, что эгоизмъ воли смѣняется направлениемъ состраданія, Ш-ръ говоритъ въ § 16 сочиненія «Объ основахъ морали». «Если мое дѣяніе совершается единственно только ради другого, то *моимъ* мотивомъ должно быть *его* благо и страданіе, все равно какъ при всѣхъ другихъ дѣяніяхъ такимъ мотивомъ является мое благо и страданіе». Какъ это происходитъ, объ этомъ самъ Ш-ръ говоритъ здѣсь, какъ о таинственномъ, мистерьезномъ процессѣ проникновенія въ сущность, кроющуюся за *principium individuationis*.

Проникая въ сущность, *principii individuationis*, человекъ, по Ш-ру, можетъ дойти и до болѣе высшаго состоянія, когда, во всемъ познавая себя, всему сострадавая, не только отказывается отъ своего эгоизма, какъ источника чужихъ страданій (такъ какъ все для него одинаково близко), но онъ отказывается, наконецъ, отъ *подтвержденія* собственной жизни, т. е. онъ пойметъ другой основной источникъ страданія и закроетъ его. «Если тотъ, кто еще объятъ *principio individuationis*, эгоизмомъ, позна-

еть только отдѣльные предметы и ихъ отношенія къ своей особѣ, и послѣднія затѣмъ становятся все новыми мотивами его хотѣнія, то напротивъ, выше описанное познаніе всего существа вещей самого въ себѣ становится *квѣтливомъ* всякаго и всяческаго хотѣнія» (§ 68, стр. 464, 1). «Воля его измѣняется, не подтверждаетъ болѣе своего собственнаго въ явленіи отражающагося существа, а отрицаетъ оное. Феноменъ, въ которомъ это обнаруживается, есть переходъ отъ *добродѣтели* къ *аскетизму*. Ему недостаточно любить уже другихъ, какъ самого себя, и дѣлать для нихъ столько же, какъ и для себя; а въ немъ возникаетъ отвращеніе къ существу, коего выраженіемъ служитъ собственное его явленіе, къ волѣ жизни, къ зерну и сущности того міра, который имъ признанъ столь несчастнымъ» (465 стр. § 68, I т. «Міръ, какъ воля и пред.».).

Достиженіе такого состоянія есть достиженіе святости по Ш-ру: «это была завидная жизнь очень многихъ святыхъ и прекрасныхъ душъ между христіанами, и еще болѣе между индусами и буддистами, также и между послѣдователями другихъ вѣроученій» (ibid. 469 стр.).

Для достиженія святости несущественны догмы: «подвижникъ можетъ быть исполненъ нелѣпѣйшимъ суевѣріемъ, или, наоборотъ, быть философомъ: то и другое равно. Одни дѣянія дѣлаютъ его святымъ» (ibid. 470 стр.).

Это состояніе Ш-ръ называетъ и считаетъ блаженнѣйшимъ: «мы помнимъ изъ третьей книги, говоритъ Ш-ръ, что эстетическая радость прекрасному большею частію заключается въ томъ, что, вступая въ состояніе чистаго созерцанія, освободясь на минуту отъ всякаго хотѣнія, т. е. отъ всѣхъ желаній и заботъ, мы какъ бы освобождаемся отъ самихъ себя. Отсюда мы можемъ понять, какъ блаженна должна быть жизнь человека, коего воля не на мгновенія, какъ при наслажденіи прекраснымъ, а навсегда укрощена, даже совершенно погашена до той послѣдней имѣющей искры, которая поддерживаетъ тѣло и съ нимъ потухаетъ» (478—479 ibid.).

Спрашивается, какимъ же путемъ достигается эта святость?

Путь достиженія святости или аскетизмъ состоитъ уже не только въ проникновеніи *principii individuationis*, не только въ прозрѣннн всеобщаго страданія, какъ своего, не только въ проникновеніи въ источникъ этихъ страданій, который есть *воля къ жизни*; «аскетизмъ понимаю я въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, говоритъ Ш-ръ, преднамѣренное сокрушеніе воли посредствомъ отказа отъ пріятнаго и изысканія непріятнаго» (*ibid.* 480 стр.). Страданіе, такимъ образомъ, есть второй путь къ достиженію отрицанія воли (*ibid.* 481 стр.). Имъ очищаются даже и очень злые, то есть, оно приводитъ и къ добродѣтели и къ высшей ея степени, святости.

§ 26. *Примѣненіе принциповъ морали къ оцѣнкѣ поведенія у Шопенгауэра.*

Съ точки зрѣнія такъ разъясненной морали Ш-ръ въ § 69 «Мірѣ, какъ воля и пред.» I тома оцѣниваетъ самоубійство.

Какъ не идущее противъ справедливости, какъ *безвредное* для другихъ, оно могло бы быть оправдываемо по Ш-ру; какъ *безполезное* для другихъ, оно безразлично, но какъ актъ *подтвержденія воли* къ жизни, оно не можетъ быть оправдываемо, думаетъ Ш-ръ. Самоубійца воодушевленъ не желаніемъ побѣдить въ себѣ волю къ жизни: онъ желаетъ жизни, но недоволенъ ея условіями. Онъ не желаетъ избѣгать удовольствій жизни, онъ гнушается только ея страданіями и, такимъ образомъ, поскольку въ основаніи самоубійства лежитъ жажда жизни, хотя и неудовлетворенная, оно не можетъ быть оправдываемо.

Въ основаніи аскетизма лежитъ безстрастность къ жизни и потому онъ не старается уничтожить видимость воли (разрушить тѣло), а самую волю (внутреннее стремленіе). Потому-то Ш-ръ называетъ самоубійство безумнымъ и напраснымъ поступкомъ, какъ не согласнымъ съ его идеею святости.

Но зато аскетизмъ, приводящій къ добровольной смерти, напр., голодомъ, одобряется Ш-ромъ, разъ смерть исходила изъ того, что «аскетъ перестаетъ жить только потому, что совер-

шенно пересталъ хотѣть. Другой родъ смерти, кромѣ голодной, при этомъ даже немислимъ (развѣ произошелъ бы изъ особеннаго суевѣрія), такъ какъ намѣреніе сократить мученіе было бы уже дѣйствительно нѣкоторою степенью подтвержденія воли» (§ 69, стр. 492, I). Примѣръ такой смерти приводится въ томъ же §.

Съ точки зрѣнія первой степени разъясненной морали Ш—ра, именно справедливости, Ш-ръ оправдываетъ ложь въ нѣкоторыхъ случаяхъ.—тогда, когда ею не имѣется въ виду причинить ничего другого, никакого вреда кому-либо, кромѣ какъ соблюсти личную безопасность. Каждый разсудительный человѣкъ, «если онъ даже придерживается самой строгой правдивости», слѣдуетъ этому принципу: «Если онъ, напр., возвращается изъ отдаленнаго мѣста, гдѣ получалъ деньги, и по дорогѣ къ нему присоединится неизвѣстный попутчикъ, который начнетъ, какъ водится, разспрашивать его сперва, куда онъ и откуда, и затѣмъ постепенно доберется и до вопроса, зачѣмъ онъ былъ въ томъ мѣстѣ, то, конечно, онъ отвѣтитъ ему ложью, чтобы предотвратить опасность грабежа (§ 17, стр. 238 «Объ основахъ морали»). Ш-ръ оправдываетъ подобные случаи, потому что они не нарушаютъ чужихъ интересовъ.

Съ точки зрѣнія второй ступени морали Ш-ръ отрицаетъ силу и моральное значеніе принциповъ религіозныхъ и философскихъ. Состраданіе есть сила реальная, всегда дѣйствующая, неоспоримая. Мораль же религіозная, какъ бы ни была высока, однако, если сравнить, напр., практику христіанской религіи съ практикой другихъ религіозныхъ вѣроученій, разница не будетъ замѣтною; а такъ какъ сообразно метафизическимъ тенденціямъ Ш-ра, «только наши поступки представляютъ намъ зеркало нашей воли» (§ 54, стр. 365, I «Міръ, какъ воля и пред.»..), то, слѣдовательно, и влияніе догмъ, самихъ по себѣ, должно быть признано едва-ли настолько значительнымъ, чтобы удерживать отъ худого дѣла или побуждать къ хорошему (§ 19 подъ ц. 3 «Объ основахъ морали»).

«Сверхъ того, противъ *каждаго* хорошаго поступка, со-

вершеннаго единственно только изъ религиозныхъ убѣжденій, можно еще возразить, что онъ сдѣланъ не безкорыстно, а въ виду награды и наказанія, слѣд., не имѣеть чисто нравственной цѣнности» (ibid. 253 стр.). Религиозные мотивы сочтены основанными на эгоистической подкладкѣ, какъ *противоположной* состраданію.

§ 27. *Критическая оцѣнка основаній пессимизма и морали Шопенгауэра.*

Вліяніе Ш-ра оказалось настолько сильнымъ въ нашемъ вѣкѣ, что является предположеніе въ серьезности тѣхъ основаній, на которыхъ покоится пессимизмъ и мораль Шопенгауэра. И дѣйствительно, должно быть хоть что-нибудь истиннымъ въ томъ, что проповѣдуетъ Ш-ръ, такъ какъ ложь всегда отвратительна, а истина привлекательна; въ противномъ случаѣ врядъ-ли система его воззрѣній могла-бы пріобрѣсть популярность. Прежде всего намъ кажется правдивою мысль о бѣдственности міроваго существованія, такъ какъ она аналогична той идеѣ, какую Іоаннъ Богословъ выразилъ въ словахъ: «весь міръ во злѣ лежитъ». Православная догматика различаетъ два рода зла въ мірѣ—физическое и нравственное, и Ш-ръ соотвѣтственно говоритъ о страданіи, котораго корень въ физической природѣ, и о страданіи, котораго корень въ эгоизмѣ человѣческомъ. Но здѣсь же дается и различіе: для Ш-ра страданіе или зло есть нѣчто изначальное въ мірѣ, для христіанскаго богослова—оно результатъ позднѣйшей, результатъ свободной воли. Основаніе пессимизма Ш-ра и основанія идеи происхожденія зла въ мірѣ по догматикѣ христіанской оказываются, такимъ образомъ, различными. На чьей сторонѣ преимущество?

На сторонѣ пессимизма Ш-ра есть доля правды, есть доля симпатичнаго, когда онъ доказываетъ, что страданіе въ мірѣ обусловливается силою нашихъ стремленій къ счастью и борьбою нашихъ эгоизмовъ на этомъ пути. Симпатичность въ томъ, что Ш-ръ критикуетъ систему эвдемонизма, какъ такую систему, которая даетъ цѣль жизни, смыслъ жизни человѣку. Совершенно напрасно указываютъ Ш-ру на его ошибку (даже Гартманъ,

Philosophie des Inbewussten, 2 изд. 1874 г. стр. 655—658), на учение объ отрицательности удовольствій *). Истинный смысл этого учения совсѣмъ не въ томъ, что удовольствіе не ощущается нами, какъ положительное, независимо отъ того, предшествовало ли ему страданіе, или нѣтъ. Какъ положительное наше чувство, оно качественно и мы его хорошо знаемъ, что оно очень содержательно; но его содержательность вѣдь не абсолютная (и это мы также хорошо знаемъ и Ш-ръ на это именно *и напираетъ*), а только *по мѣрѣ его отношенія* къ предмету, возбуждающему наше чувство. Предметъ же не самъ по себѣ возбуждаетъ, а по силѣ нашей способности, т. е. потребности, недостатка, желанія. Выходить, что наше удовольствіе въ цѣломъ (?) относительно: оно не имѣетъ цѣннаго предмета, а всякій предметъ будетъ такимъ, поскольку мы захочемъ его,—это и значитъ, что никакое удовольствіе не можетъ быть нашей цѣлью само по себѣ: природа удовольствія отрицательнаго свойства. Итакъ, философская подкладка учения объ отрицательности удовольствія, истинно Шопенгауэровскаго пессимизма—безцѣльность нашей жизни: жизнь есть, по его мнѣнію, глупая шутка; и дѣти съ *такою* же серьезностью ведутъ свою игру, съ какою мы заботимся о нашихъ (якобы) серьезныхъ цѣляхъ жизни (§ 60 стр. 399, I, «Миръ, какъ воля и пред.»..). Конечно, изъ этого происходитъ извѣстная *веселость*, спокойствіе, какъ признаетъ тамъ же Шопенгауэръ, но все же это лишь дѣтская игра (ibid.).

Посему критика Шопенгауэровскаго пессимизма должна исходить совсѣмъ изъ другой идеи, а не изъ той, какую усвоили себѣ близорукіе его критики, проникшіе и въ русскую литературу (мы разумѣемъ между прочимъ цитованный трудъ Калачинскаго,—сочиненіе мало самостоятельное по мыслямъ, и отчасти трудъ Гусева Ѳ. въ Прав. Об.). Критика, намъ думается, должна показать, что безцѣльность жизни кроется не въ

*) Въ русс. литер. Гусевъ, Калачинскій. Послѣдній вслѣдъ за нѣмцемъ Губеромъ; см. Фил. пессимистическое міросозерцаніе Ш-ра и его отн. къ Х—ву», П. Калачинскаго стр. 123—4.

источникъ жизни, какъ такомъ, а въ *родъ* жизни, который можетъ быть и инымъ, хотя бы источникъ оставался неизмѣннымъ. Мы намекаемъ на то, что въ концѣ сочиненія «Миръ, какъ воля и представленіе», въ I томѣ этого сочиненія, самъ Ш-ръ призналъ, какъ фактъ, хотя и противорѣчивый для его системы, но все же фактъ (§ 70). Какъ ни настаивалъ Ш-ръ на неизмѣнности направленія и характера воли въ ученіи о несвободѣ воли, какъ ни завѣрялъ, что эгоистъ всегда остается эгоистомъ, однако оказалось, что познаніе въ состояніи перемѣнить направленіе воли, въ состояніи привести къ самоотреченію. Здѣсь уже нельзя сослаться на то, что всякое измѣненіе направленія воли должно имѣть основаніе въ самой волѣ: въ волѣ не можетъ быть основаній, идущихъ противъ нея самой, потому что она есть воля къ *жизни*, а, слѣд., отвращеніе отъ *смерти*. Поэтому и фактъ господства познанія надъ волей или аскетизмъ самоотреченія, о которомъ говоритъ Ш-ръ въ концѣ сочиненія «Миръ, какъ воля и представленіе», есть фактъ противорѣчія, по Ш-ру, воли самой себѣ, а по нашему мнѣнію, фактъ противорѣчія Ш-ра самому себѣ, такъ какъ въ этомъ фактѣ сказывается свобода воли, которую Ш-ръ отрицаетъ, а мы признаемъ,—свобода перемѣнить направленіе воли.

Разъ такая свобода существуетъ, то весь вопросъ въ томъ, можемъ ли мы избрать такое направленіе въ жизни, которое бы не приводило къ бессмыслицѣ, какую обнаруживаетъ «игра въ удовольствія». Ш-ръ отвѣчаетъ на это ученіемъ о морали, приводящей къ аскетизму, а мы имѣемъ право указать на фактъ, выводъ изъ котораго также, думается, доказываетъ эту возможность.

Человѣкъ, несомнѣнно, до извѣстной степени животное. Когда Ш-ръ отождествляетъ сущность человѣка съ сущностью животныхъ, растений и т. д., когда характеризуетъ лишь ту сторону въ человѣкѣ, по которой онъ сходенъ съ ними и со всѣмъ міромъ (въ томъ, что онъ стремится, желаетъ жизни, какъ и все въ мірѣ), онъ характеризуетъ его вѣрно. Но онъ забываетъ его отличіе, а это отличіе есть и оно сказывается, между прочимъ, и въ томъ фактѣ, о которомъ Ш-ръ говоритъ,

но изъ котораго дѣлаетъ невѣрные, по нашему мнѣнію, выводы.

Ш-ръ справедливо отмѣчаетъ фактъ: едва-ли кто-нибудь изъ привязанной къ жизни толпы согласится *снова* начать свою жизнь и очень часто добровольно кончаютъ ее. Какъ возраженіе этому, приводятъ извѣстную басню Эзопа «Старикъ и смерть», возобновленную и у Крылова. Если разобраться поближе въ этихъ двухъ фактахъ человѣческой жизни, то поймемъ, въ чемъ ихъ истина и гдѣ ложь, выведенная изъ нихъ.—Намъ свойственно стремленіе къ жизни, которая удовлетворяла бы насъ. Если прошлымъ мы не удовлетворяемся теперь, то на это есть причина. Человѣкъ—не животное, онъ развивается, проникается высшими интересами и уже не можетъ довольствоваться меньшимъ, т. е. тѣмъ, что было въ прошломъ даже и *хорошаго*. Въ этомъ сказывается человѣчность. Для животнаго—безразлично прошлое: для человѣка оно рядъ ошибокъ, заблужденій. Онъ причастенъ прогрессу и не можетъ идти *назадъ*—вотъ объясненіе факта, указаннаго Шопенгауэромъ.

Тотъ, кто рѣшилъ покончить съ собою, отказался признать смыслъ своей жизни, отказался отъ прогресса. Какъ человѣкъ, онъ не можетъ ограничиться удовлетвореніемъ животныхъ потребностей; но, какъ слабый человѣкъ, онъ не угадываетъ своего *nervus vivus*,—того, что должно давать вѣчную жизнь. Банкротство жизни духа рождаетъ банкротство плоти. Ошибка Ш-ра въ томъ, что онъ видитъ здѣсь полное банкротство и несостоятельность жизни, какъ жизни, а не одного изъ родовъ жизни.

Истинный родъ жизни, который не приводитъ къ «игрѣ», а есть серьезный родъ жизни, дается въ христіанствѣ, но Ш-ръ не довольствуется той простой постановкой этики, какая дается въ христіанствѣ: онъ факты его перетолковываетъ въ миѳы, а самую идею истинной жизни окрашиваетъ въ окраску пессимизма.

Не вдаваясь въ подробности, а занимаясь лишь *основаніями*, мы и въ основаніяхъ морали Ш-ра укажемъ симпатичныя и несимпатичныя стороны. Симпатичность въ томъ, что Ш-ръ въ противовѣсъ Канту выдвинулъ на первый планъ психологиче-

скую сторону нравственности. Но по обычаю онъ вдался въ крайность; такъ какъ природа человѣка отличается нормативнымъ характеромъ (нормативность мы понимаемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о нормальномъ зрѣніи въ противоположность косоглазію, которое не имѣлось въ виду идеей человеческого организма), то и нужно было бы въ этикѣ прежде всего установить нормативность человеческого существа въ его *отличіе* отъ нормативности низшихъ существъ. Но Ш-ръ наоборотъ, всю систему постарался построить на сходствѣ; отсюда у него принципомъ, основополагающимъ всякую нравственность, оказался общій законъ всей природы: законъ состраданія, — сочувствія для организмовъ чувствующихъ, — солидарности — для всей остальной природы.

Но этотъ законъ, во-первыхъ, долженъ быть второстепеннымъ въ человѣкѣ для его истинно-нравственной дѣятельности; во-вторыхъ, онъ не чуждъ того эгоизма, которымъ проникнута вся природа, воля къ жизни, т. е. не чуждъ того порока, какого хотѣла избѣжать мораль Ш-ра: въ-третьихъ, Ш-ръ впалъ въ этомъ случаѣ въ односторонность: тотъ фактъ, что чувство (или эмоціи) движетъ нами, а идеи сами по себѣ безсильны и являются двигателями лишь въ силу ихъ тѣсной связи съ чувствами, — этотъ фактъ, который мы уже имѣли честь рассмотреть при критикѣ теоріи свободы воли Ш-ра на основаніи данныхъ Рибо и Жюль-Пейо, — этотъ фактъ Ш-ръ перетолковалъ такимъ образомъ, что только *одному* чувству состраданія придалъ значеніе *движущей* силы *нравственной*.

Скажемъ немного полнѣе объ этихъ трехъ, намѣченныхъ нами, пунктахъ.

1. Наша нравственность, какъ цѣнная нравственная сила, выказывается не только въ актахъ состраданія, сочувствія. Высота нравственного величія непременно предполагаетъ двѣ стороны: любовь къ добру и отвращеніе отъ зла. Наше сочувствіе злодѣю дѣлаетъ насъ соучастниками злыхъ дѣлъ его. Если мы можемъ сострадать такому человѣку безъ потери нравственной цѣнности этого чувства, то лишь цѣня въ немъ ту долю чело-

вѣчности, какая въ немъ еще осталась. Но чтобы наше состраданіе не переходило въ сочувствіе къ его злодѣйству, мы должны глубоко ненавидѣть его злодѣйскую натуру даже по логикѣ самого Ш-ра, такъ какъ натура злодѣя вѣдь неизмѣнно злодѣйская. Вообще, сострадать надо умѣя, чтобы не потерялась нравственная его цѣнность.

2. Касательно эгоизма въ чувствахъ надо отдать справедливость Ш—ру, что онъ, какъ тонкій психологъ, съ замѣчательно отчетливостью подмѣчаетъ его малѣйшіе оттѣнки.

Въ § 67 I тома «Міръ, какъ воля и представленіе» онъ настаиваетъ на томъ, что «всякая истинная и чистая любовь есть и сожалѣніе, и всякая любовь, которая не есть *сожалѣніе*, есть *своекорыстіе* (460 стр.). Ш—ръ вѣрно подмѣчаетъ малѣйшую струнку самодовольствія чловѣка, рождающуюся при присутствіи или при увѣренности въ другомъ любимомъ существѣ, выдѣляетъ ее изъ чувства любви, какъ привносимое, но не принадлежащее ей по существу, а относитъ къ любви только то, что съ нею у насъ рождается по отношенію къ этому другому совершенно безкорыстно, даже вопреки нашему благосостоянію, т. е. ощущается, какъ извѣстная степень неудовлетворенности, страданія, жалости.

Сообразно такому тонкому разграниченію понятій, Ш—ръ въ истинной дружбѣ различаетъ долю *ἑρωσ*—а своекорыстнаго, какъ удовольствія отъ обладанія другомъ, и чистую любовь—*ἀγάπη*—или чистосердечное участіе въ горѣ и благополучіи друга» (461 стр.).

Но какъ бы ни былъ тонокъ подобный анализъ чувствъ у Ш—ра, онъ не имѣетъ значенія моральнаго разграниченія—эгоистическаго отъ нравственнаго; онъ имѣетъ значеніе разграниченія альтруистическаго и эгоистическаго, такъ какъ понятіе нравственнаго не совпадаетъ ни съ однимъ изъ этихъ понятій.

Почему?—Прежде всего, тѣ же самыя чувства удовольствія и страданія мы испытываемъ и безотносительно къ другимъ людямъ: на своемъ собственномъ организмѣ. Его удовлетворительное состояніе рождаетъ довольство, разстройство производитъ

страданіе. Нашъ духъ въ своихъ процессахъ дѣятельности также претерпѣваетъ подобнаго рода самоощущенія. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что перваго рода—эгоистическія чувства, а втораго рода—не эгоистическія чувства. Оба они эгоистичны, потому что *наши*, но оба они могутъ быть безграничными въ нравственномъ отношеніи.

Равнымъ образомъ, въ альтрюизмѣ, даже въ томъ альтрюизмѣ, который Ш—ръ считаетъ чистѣйшимъ и состоитъ «въ чистосердечномъ участіи въ благополучіи и горѣ друга» (461 стр. *ibid.*), даже въ этомъ альтрюизмѣ въ сущности тѣ же чувства эгоистическія, только отнесенныя въ познаніи не на меня (какъ въ довольствѣ, возбуждаемомъ присутствіемъ друга: тамъ я чувствую *свое* довольство), а на другаго, и я уже чувствую радость или горе, не какъ *свое*, а какъ *своего* друга. Если это выразить адекватнымъ нашей мысли примѣромъ изъ области физики, то во второмъ случаѣ я есть струна на скрипкѣ, въ унисонъ звучащая другой струнѣ на другой скрипкѣ, колеблемой игрокомъ. Я потому также колеблюсь и звучу, что настроенъ такимъ образомъ, что мы издаемъ сходные звуки. Будутъ-ли мои звуки минорными или мажорными, они будутъ такими, поскольку такіе, а не иные лады вызваны игрокомъ на другой скрипкѣ. Но чуть строй скрипокъ различенъ, дрожанія *моего* въ унисонъ другой скрипкѣ не будетъ. Это и будетъ отсутствіе дружбы, разрывъ... Ясно отсюда, что тонъ самихъ нашихъ чувствъ, удовольствіе и страданіе сами по себѣ не существенны для квалификаціи чувства любви, какъ чувства нравственнаго, и, слѣд., любовь, какъ страданіе и сорадованіе, если можетъ быть понимаема, какъ нравственная, то лишь поскольку *наше* страданіе и радость направлены на *другія* существа.

Однако же, если мы хотимъ, чтобы наша дѣятельность на пользу другихъ, дѣятельность сострадательная, была плодотворною, то мы не можемъ отказать и этому роду дѣятельности въ *психологическомъ* эгоизмѣ. Эгоизмъ не есть порокъ или что-либо противонравственное: онъ есть коррелятъ *нашей* личности. Природа воли такова, что она можетъ преслѣдовать толь-

ко свои интересы, какъ-бы они ни были всеобъемлющими, все захватывающими. Надо быть безличнымъ существомъ, чтобы не имѣть *своихъ* (т. е. особливыхъ, чѣмъ у другихъ лицъ) интересовъ и самый высокій альтруизмъ, проповѣданный Іисусомъ Христомъ—люби врага, молись за него,—альтруизмъ, гдѣ *моими* сдѣлались интересы даже врага (его истинные, а не ложные, злодѣйскіе интересы), покоится все на той же энергіи самодѣятельности—на *моей* волѣ.

Итакъ, если чувство наше можетъ быть названо альтруистическимъ по предмету, кому сострадаютъ, то однако *дѣятельное* чувство или чувство, сдѣлавшееся исходнымъ пунктомъ нашей активности, есть уже эгоистическое, такъ какъ оно уже есть чувство, *нами* лелѣемое, возгрѣваемое, *наше*; и если-бы оно не было такимъ, оно не было бы исходнымъ пунктомъ дѣятельности; лѣдность, бездѣйствіе были бы *нашимъ* достояніемъ.

Въ виду сдѣланныхъ замѣчаній, кажется, было бы лучше чувства не различать, какъ эгоистическія и альтруистическія: они такими дѣлаются уже впоследствии, когда предметы, на которыхъ они сосредоточиваются, разнообразяютъ ихъ; и тогда, кромѣ эгоистическихъ и альтруистическихъ чувствъ можно будетъ указать еще и на религіозныя и на чисто нравственныя, помимо эстетическихъ и другихъ. Мы думаемъ, что такъ говоря, мы уже довольно ясно намѣтили, что эгоизмъ сказывается лишь тогда, когда себя приходится различать отъ другихъ, т. е., когда *сталкиваются* наши интересы съ чужими. Всякая дѣятельность, гдѣ такихъ столкновений нѣтъ, безразлична въ этомъ отношеніи: она можетъ быть религіозною, эстетическою... и въ то же время быть чуждою и эгоизму и альтруизму.

3. Мы уже во 2 главѣ нашего сочиненія говорили, что движущая сила въ человѣкѣ—эмоціи. Когда Шопенгауэръ чувство состраданія возводитъ на высоту *нравственного* базиса дѣятельности, то онъ поступаетъ съ психологическою чуткостью и до нѣкоторой степени вѣрно, потому что привязываетъ нашу дѣятельность къ эмоціямъ. Но онъ несправедливъ, когда отказы-

ваетъ другимъ чувствамъ въ такой же правоспособности быть базисомъ чисто нравственной дѣятельности.

Мы уже знаемъ, что тѣло человѣка или его организмъ— воплощеніе чувствъ, такъ какъ животная сторона нашего существа уже Максимомъ Исповѣдникомъ правильно понята, какъ *αἰσθητικὴ* (въ этомъ онъ примыкаетъ къ Аристотелю). Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что не эти чувства въ человѣкѣ даютъ направленіе дѣятельности, а свободная воля, духъ. Животными управляетъ природа, говоритъ Максимъ Исповѣдникъ, а въ человѣкѣ природа управляется: свободная воля, идеи даютъ направленіе волѣ, сообщаютъ ей такую, а не иную окраску.

Гнѣвъ чаще дурное чувство, но тотъ, кто ни хладенъ, ни тепелъ, годенъ лишь на то, чтобы излечь его. Гнѣвъ—это есть ревность въ принятомъ направленіи, и хорошо направляемый, онъ служитъ источникомъ нравственнымъ. Примѣръ Спасителя, изгоняющаго торжниковъ изъ храма, подтверждаетъ насъ.

Страхъ, проявляемый въ формѣ трусости, (*δουλία*), Пирръ справедливо осудилъ, какъ нѣчто постыдное, но то же чувство страха есть условіе и стимулъ нравственно-религіозной жизни (страхъ Божій). Называется-ли онъ въ этомъ случаѣ благоговѣніемъ или просто страхомъ,—это уже другой вопросъ: важно констатировать элементъ этого чувства въ фактически нравственной дѣятельности.

Мы не будемъ здѣсь перебирать всѣхъ возможныхъ чувствъ съ цѣлю указать ихъ значеніе для нравственной дѣятельности. Мы даемъ *краткую* оцѣнку состоятельности основаній морали Шопенгауэра.

§ 28. *Заключение.*—*Критическія замѣтки объ аскетизмѣ Шопенгауэра.*

Въ заключеніе намъ остается указать истинную и ложную сторону Шопенгауэровскаго аскетизма,—той идеи святости, того пути спасенія, который Ш—ръ одинаково усматриваетъ въ христіанскихъ аскетахъ и въ браминахъ, буддистахъ, таосизмѣ et cet. Истина здѣсь въ томъ, что всюду спасеніе полагается за

гробомъ и смерть, какія бы тамъ ни были различія въ остальныхъ пунктахъ ученій религиозныхъ,—смерть—вожде́лнный исходъ всѣхъ блаженныхъ или святыхъ людей. Однако, какъ ни рѣзко Ш—ръ выражается касательно безразличія догмъ въ дѣлѣ достиженія святости, смерть сама по себѣ, какъ естественный исходъ всякаго живаго существа, равно и смерть самоубійцы, покончившаго надъ собою вслѣдствіе отчаянія, различается Ш—ромъ отъ смерти *блаженнаго* и именно въ силу различія той идеи, какая его привела къ смерти: вслѣдствіе различія импульсовъ къ смерти. Если мы, оставаясь вѣрными этому принципу, невзначай проскользнувшему подъ перомъ Ш—ра, опредѣлимъ степень до стоинства той идеи, какую влагаетъ Ш—ръ во свое понятіе святости чрезъ сравненіе ея съ идеей христіанской святости, то окажется слѣдующее. Идея Шопенгауэровской святости состоитъ изъ двухъ положеній: (1) овладѣть собою настолько, чтобы (2) убить въ себѣ желаніе жизни, т. е. самую жизнь, такъ какъ безъ желанія жизни не можетъ быть жизни; идея же христіанской святости въ томъ, чтобы (1) овладѣть собою настолько, (2) чтобы достигнуть истинной жизни. Первые пункты сходны, такъ какъ Ш—ръ, такъ же, какъ и христіанство, не желаетъ такого разрѣшенія вопроса, какъ исходъ въ смерть чрезъ самоубійство, гдѣ человѣкъ оказывается *владѣющимъ* не собою, не своими чувствами (желаніемъ жизни), а только тѣми орудіями, которыя въ состояніи принести гибель тѣлу: онъ хочетъ, если выразиться образно, чтобы человѣкъ отрѣзалъ себѣ соблазняющую его руку или око не ножомъ или топоромъ, а *волею*. Въ этомъ сходство Ш—ра и христіанства.

Но зато какое различіе ученія Ш—ра и христіанства по двумъ другимъ пунктамъ! Исходъ перваго ученія—смерть, исходъ втораго—жизнь. Правда, и здѣсь есть точка соприкосновенія ученія христіанскаго съ ученіемъ Ш—ра, такъ какъ и въ христіанствѣ истинная жизнь духа уже есть смерть плоти, но эта смерть плоти не есть физическая смерть. Эта смерть есть лишь подчиненное ея положеніе въ отношеніи къ духу. Эта смерть плоти есть лишь господство духа.

Ш—ръ считаетъ бытіе зломъ и понятно, что ему смерть плоти должна была казаться благомъ; но это постоянное умираніе—плоти по силѣ духа, а не съ цѣлю лишь добиться господства духа и подъ его эгидою творить дѣла, отвратительно.

Сравните лишь того аскета, который не ѣсть, не пьетъ, плохо спитъ, всю жизнь трудится и все для того, чтобы возможно большее приобрести богатство тлѣнное,—сравните его съ тѣмъ христіанскимъ аскетомъ, который нашелъ истинное сокровище, дорогую жемчужину и покупаетъ ее цѣною всего своего состоянія, и вы согласитесь, что вся цѣна аскетизма въ достоинствѣ цѣли. Но если эта цѣль лишь физическая смерть, если самое господство духа только для этого и нужно, то не зачѣмъ было о немъ и заботиться: смерть можно найти тысячью путей. Только жизнь обрѣтается однимъ труднымъ путемъ.

Философія, ведущая къ смерти, сама себѣ подписываетъ смертный приговоръ, такъ какъ со смертью кончается всякій смыслъ: только въ жизни можно находить смыслъ, смерть же, не ведущая къ жизни, бессмысленна. Итакъ, кто хочетъ найти смыслъ въ жизни, долженъ бросить мертвечину, подносимую философіей, и пойти вслѣдъ за Христомъ, Который есть дверь къ жизни, и, кто ею не войдетъ, не увидитъ жизни. Будемъ надѣяться жить!

Конецъ 1-й части.

Василій Курдиновскій.

Двухсотлѣтіе Полтавской битвы.

27-го іюня сего 1909 года вся Россія празднуетъ двухсотлѣтіе Полтавской побѣды Петра Великаго надъ Карломъ XII, королемъ шведскимъ, и малороссійскимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою, измѣнившимъ Петру Великому и перешедшимъ съ кучкой своихъ приверженцевъ на сторону шведовъ.

Значеніе этой побѣды было такъ велико, что нашъ извѣстный ученый и литературный дѣятель 1-ой половины 18 вѣка, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, произнося похвальное слово Петру 1-му по слу-

чаю восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, сближа-
етъ эти событія въ томъ отношеніи, что они привесли съ собою возве-
личеніе русскаго имени, побѣду національнаго начала. Россія со дня
Полтавской битвы какъ бы вновь родилась въ силѣ и могущество, вѣ-
дѣницей коихъ и явилась родившаяся въ годъ Полтавской побѣды
дочь Петра Великаго Елизавета Петровна.

Россія, чуждавшаяся до Петра Великаго Европы, при Петрѣ Вели-
комъ предстала въ сонмъ европейскихъ государствъ въ такомъ непри-
ятномъ видѣ, что не могла внушить къ себѣ уваженія со стороны
образованныхъ, культурныхъ, богатыхъ и сильныхъ западныхъ сосѣдей:
нужно было завоевать себѣ уваженіе, нужно было завести культурные
порядки, вывести доморощенное невѣжество, сравняться съ силою ино-
земцевъ. Всего этого сразу достигъ невозможно было; но Петръ Великій
положилъ однако всему этому прочное основаніе. Поднять умственный и
нравственный уровень народа должно было просвѣщеніе, о прिवитіи ко-
торого у насъ заботился Петръ Великій. Умножить богатства Россіи
должна была западно-европейская культура, перенесенная Петромъ Ве-
ликимъ цѣликомъ. Поднять силу государства должно было обученное на
европейскій манеръ регулярное войско и заведеніе морского флота. Пер-
вые двѣ миссіи лишь постепенно должны были дать свой плодъ и, напр.,
основаніе у насъ Академіи наукъ, по мысли Петра Великаго, произошло
уже по смерти его. Но плоды его реформъ, касавшихся арміи и флота,
сказались уже при жизни Петра Великаго. Полтавская битва—это былъ
прекрасный экзаменъ русскому войску, реформированному гениемъ Петра
Великаго, и этотъ экзаменъ оно выдержало блестяще: былъ поколоченъ
самъ учитель, обучившій тактикѣ русское войско: король шведскій
Карлъ XII. Битва при Гренгамѣ на морѣ со шведами (въ 1721 году)
имѣла потомъ почти такое же значеніе для русскаго флота.

Чтобы понять причины раздора со шведами, кончившагося Полтав-
ской побѣдой Петра Великаго надъ славнымъ въ исторіи войнъ Карломъ
XII, надо знать, что Петръ I задался цѣлю поднять свой народъ на вы-
сокій уровень культуры черезъ сближеніе съ западно-европейскими на-
родами. Самъ усвоивъ, на ряду съ самыми трудными науками и искус-
ствами, самыя примитивныя, какъ плетеніе лаптей, Петръ Великій подго-
товилъ себѣ такихъ же дѣятельныхъ помощниковъ по всѣмъ отраслямъ
государственной дѣятельности, посылалъ въ науку за границу молодыхъ
людей, самъ экзаменовалъ ихъ, заводилъ съ иноземными государствами
торговья сношенія; но всему этому сближенію видимо препятствовала

Швеція, владѣвшая побережьемъ Финскаго залива. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, Петръ Великій вступилъ съ польскимъ и датскимъ королями въ союзъ и началъ войну противъ шведовъ, чтобы отвять у нихъ берегъ Финскаго залива и прорубить, по словамъ Пушкина, «окно въ Европу».

Война со Шведами, называемая Великой Сѣверной войной, начатая въ 1700 году и окончившаяся лишь въ 1721 году, была сначала для русскаго царя и для его союзниковъ неудачной. На шведскомъ тронѣ въ то время былъ Карлъ XII, съ раняго дѣтства обнаруживавшій любовь къ воинскому искусству, увлекавшійся съ юныхъ лѣтъ подвигами Юлія Цезаря и Александра Македонскаго и проявившій въ первые же годы своихъ военныхъ поединговъ выдающееся военное дарованіе, давшее ему рядъ блестящихъ побѣдъ. Лишь только онъ узналъ о состоявшемся противъ него союзѣ трехъ государствъ, онъ двинулся съ своими войсками къ столицѣ Довиѣ, Копенгагену, и очень скоро заставилъ короля датскаго заключить миръ. Польскій король Августъ, осадившій было шведскій городъ Ригу, какъ скоро узналъ, что Карлъ XII уже идетъ противъ него съ войсками, пересталъ осаждать этотъ городъ. Тогда Карлъ XII, оставивъ пока польскаго короля въ покоѣ, двинулся къ Нарвѣ, къ берегамъ Финскаго залива, и разбилъ русскихъ подъ Нарвой. Нарва была защищена укрѣпленіями, растянутыми на 7 верстъ; защищаема она была еще малоопытными войсками, состоявшими изъ новобранцевъ. При войскѣ не было Петра Великаго, а начальствованіе надъ войсками было вручено иностранцамъ. Только Семеновскій и Преображенскій полки храбро отбивались отъ непріятели. Русскіе при этомъ потеряли всѣ пушки. Уже послѣ Нарвскаго пораженія Петръ Первый сказалъ пророческія слова: «Я знаю, шведы могутъ еще разъ, другой побить насъ, но у нихъ же научимся мы побѣждать ихъ».

Легко разбивъ русскихъ, Карлъ XII устремился послѣ этого на польскаго короля Августа, 3-го союзника своего врага. Это была тактическая ошибка Карла XII, какъ выяснилось впоследствии. Задавшись цѣлю низложить польскаго короля Августа, чтобы возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, Карлъ XII слишкомъ долго боролся съ Польшею, чѣмъ воспользовался Петръ Великій и успѣлъ укрѣпиться у финскихъ береговъ; онъ завоевываетъ крѣпость Нотенбургъ и переименовываетъ ее въ Шлиссельбургъ, захватываетъ небольшую крѣпость Ніеншанць, одерживаетъ надъ шведами морскую побѣду, основываетъ на одномъ изъ острововъ въ устьѣ Невы (16 мая 1703 года) городъ Петербургъ, и въ

то же время Петръ Великій помогаетъ польскому королю Августу, занявъ своими войсками Лифляндію и Литву, чѣмъ еще больше задерживаетъ Карла XII въ предѣлахъ Польши. Въ 1706 году Петръ Великій дважды посѣщаетъ Кіевъ. Въ первый прїездъ онъ закладываетъ 15 августа вокругъ Печерской Лавры укрѣпленіе, болѣе недѣли живетъ въ Лаврѣ, въ кельяхъ архимандрита, около полутора мѣсяца проводитъ въ этомъ городѣ, осматривая его достопримѣчательности. Вторично посѣтивъ Кіевъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1706 года, Петръ Великій осмотрѣлъ 24 декабря крѣпостныя работы, первый день Рождества Христова провелъ въ Кіевопечерской Лаврѣ и ночью уѣхалъ въ г. Острогъ, оттуда на сѣверъ.

Между тѣмъ Карлъ XII наконецъ сломилъ силу короля Августа и, посадивъ на польскій престолъ въ 1708 году преданнаго ему Станислава Лещинскаго, Карлъ XII двинулся со своими войсками на Петра Великаго.

Когда Карлъ XII двинулся на русскихъ, въ его распоряженіи были слѣдующія силы: въ главной арміи, находившейся подъ предводительствомъ самого Карла XII, всего было около 44 тысячъ войска; изъ нихъ 8 тысячъ, подъ начальствомъ Красова, были отосланы для содѣйствія новому польскому королю Станиславу, чтобы держать въ повиновеніи поляковъ. Два главныхъ отряда шведскихъ силъ, бывшихъ подъ начальствомъ Левенгаупта и Либекера, были значительно разъединены: Левенгауптъ съ 14 тысячами стоялъ подъ Ригой, Либекеръ съ 12 тысячами былъ въ Финляндіи.

У русскихъ въ то время было 60—70 тысячъ подъ командой графа Шереметева, около 20 тысячъ подъ начальствомъ Апраксина (въ Ингерманландіи противъ Либекера) и въ Псковѣ 5 тысячный отрядъ кавалеріи подъ начальствомъ Бауэра. Кромѣ того войска малорусскихъ казаковъ должны были собою прикрывать Волынь.

Когда 7 июня 1708 года шведская армія, находившаяся подъ начальствомъ Карла XII, собралась у Минска и двинулась къ р. Березинѣ съ трехмѣсячнымъ запасомъ провіанта, положеніе русскаго отряда, преграждавшаго кратчайшій путь къ рѣкѣ подъ начальствомъ Гольца, было незавиднымъ, почему и переходъ черезъ Березину совершился безпрепятственно у мѣстечка Березина. Сраженіе русскихъ со шведами по переходѣ черезъ Березину было неудачнымъ для русскихъ. Эта неудача заставила Петра I-го поспѣшить прибыть изъ Петербурга къ арміи.

Первоначально Карлъ XII видимо направлялся къ Москвѣ и лишь впоследствии измѣнилъ свой маршрутъ и направился въ Украину, приказавъ Левенгаупту идти къ нему на соединеніе съ достаточнымъ запасомъ провіанта.

Чтобы предупредить это соединеніе, Петръ I распорядился преградить путь Левенгаупту и далъ ему сраженіе при деревнѣ Лѣсной. Левенгауптъ потерялъ весь свой транспортъ, всю артиллерію и $\frac{2}{3}$ всего своего отряда. Пораженіе Левенгаупта было для Карла XII очень чувствительнымъ урономъ: шведы арміи Карла XII терпѣли сильный недостатокъ въ провіантѣ, и, вмѣсто хлѣба, получали канусту и рѣпу. Болѣзни и дезертирство уменьшали боевой составъ арміи. Мазепа, измѣнившій Петру I-му и тайно ведшій переговоры съ Карломъ XII, торопиль Карла XII прибыть въ Украину (боясь, чтобы Петръ Великій не узналъ о его замыслахъ). Вопреки своему обычаю, Карлъ XII задалъ своимъ приближеннымъ вопросъ, какъ ему поступить, и, хотя генералы единогласно совѣтовали перейти обратно черезъ Днѣстръ на соединеніе съ Левенгауптомъ, Карлъ XII 14 сентября 1708 года направился въ Украину, гдѣ рассчитывалъ на содѣйствіе Мазены.

Малороссія встрѣтила шведовъ враждебно и на сторону Карла XII перешли только запорожскіе казаки съ кошевымъ Гордѣенко.

Всю зиму 1708—1709 г. Карлъ XII провелъ въ Малороссіи, подвинувшись съ своими войсками къ г. Полтавѣ. Отряды его были разбросаны по Зѣньковскому уѣзду Полтавской губерніи (въ окрестностяхъ г. Зѣнькова ребятишки и теперь еще находятъ въ значительномъ количествѣ большія круглыя шведскія пули, величиною больше голубиного яйца), а главная квартира была расположена въ с. Великія Будища, Полтавскаго у. близъ Диканьки.

Такъ какъ армія Карла XII расположилась между рѣками Ворсклой и Псломъ, то войска русскихъ были расположены на сѣверъ отъ шведовъ: часть главныхъ войскъ русскихъ стояла въ предѣлахъ р. Хорола (на правомъ его берегу) подъ начальствомъ Шереметева, близъ г. Миргорода; другая часть, подъ начальствомъ Меньшикова, стояла на лѣвомъ берегу Ворсклы, въ окрестностяхъ Ахтырки. На югѣ же отъ Карла XII былъ г. Полтава съ небольшимъ, правда, но очень упорно державшимся гарнизономъ подъ начальствомъ храбраго полковника Ивана Степановича Келлина.

У Карла XII была надежда на помощь турокъ и содѣйствіе польскаго короля Станислава Лещинскаго, но положеніе его все же было

настолько затруднительнымъ, что ему оставалось генеральнымъ сраженіемъ вывести свои войска изъ неопредѣленнаго положенія. Но русскія войска уклонялись отъ генеральнаго боя и только желаніе спасти Полтаву заставили Петра I-го придвинуть войско вплотную къ войскамъ Карла XII.

Осада г. Полтавы, начавшаяся 1-го апрѣля 1709 года, продолжалась до 27 іюня, когда произошло генеральное сраженіе между войсками Петра I-го и Карла XII.

Картину Полтавской битвы и осады г. Полтавы хорошо рисуетъ И. Фр. Павловскій въ своей брошюрѣ «Полтавская битва 27-го іюня 1709 года», изданной въ Полтавѣ въ 1908 г. Заимствуемъ изъ нея наиболѣе характерныя подробности.

Сначала шведы пробовали взять городъ приступомъ: 1, 2, 3 и 4 апрѣля шведы появлялись подъ стѣнами города, пробовали взять его штурмомъ и были отбиваемы съ значительнымъ урономъ. Тогда начались осадныя работы, но русскіе отряды сдѣлали вылазку, забрали всѣ инструменты, что заставило шведовъ въ слѣдующую же ночь пойти штурмомъ на городъ, но, потерявъ 427 человекъ (русскихъ было убито 62 и 9 ранено), ушли, ничего не добившись: 23 апр. рѣшительный приступъ шведовъ оказался тоже безрезультатнымъ, потому что встрѣчный изъ города подкопъ помогъ русскимъ вынуть заложенный непріателемъ для взрыва порохъ. Положеніе осаждаемыхъ улучшилось, когда изъ арміи бригадиръ Головинъ, переодѣвъ своихъ 900 человекъ солдатъ въ шведскіе мундиры, смѣло прошелъ линію осадныхъ непріятельскихъ работъ (во время смѣны шведскихъ карауловъ), отвѣтивъ караулу по-нѣмецки на вопросъ: «кто идетъ», что онъ ведетъ команду на осадныя работы близъ города. Только подъ стѣнами города обманъ былъ обнаруженъ, но Головинъ штыками проложилъ себѣ дорогу въ городъ, потерявъ 18 чел. убитыми и 32 ранеными, у шведовъ же погибло до 200 человекъ.

1-го іюня шведы успѣли было взобраться даже на городской валъ, но были отбиты. Карлъ XII присылалъ парламентера для переговоровъ о сдачѣ, но Келлинь не сдавался и даже потомъ сразу же отнялъ 4 пушки у осаждавшихъ, а 3-го іюня еще двѣ пушки.

4-го іюня Петръ Великій прибылъ изъ Троицкаго укрѣпленія (нынѣ Таганрогъ) къ войскамъ своимъ, расположеннымъ подъ Полтавой, и далъ объ этомъ знать осажденнымъ въ письмѣ, посланномъ въ пустой бомбѣ. Въ немъ онъ благодарилъ горожанъ за стойкость и обнадеживалъ ихъ, обѣщая избавить городъ отъ осады.

Обрадованные полтавцы отвѣтили Петру Великому письмомъ же, написаннымъ полтавскимъ протопопомъ, въ которомъ указывали на недостатокъ въ боевыхъ припасахъ.

Карлъ XII, какъ извѣстно, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ подъ Полтавой, въ ночь съ 16 на 17 юня осматривалъ позиціи русскихъ и подъ утро настолько близко подѣхалъ къ русскимъ окопамъ, что получилъ пораненіе въ пятку, что повело къ операціи ноги, опухшей отъ воспаленія. Между тѣмъ развязка приближалась. Петръ Великій въ пустой бомбѣ, брошенной изъ Полтавы, былъ извѣщенъ, что пороху у осужденныхъ хватить лишь всего недѣли на двѣ. Это заставило Петра Великаго рѣшить въпросъ о генеральной битвѣ съ арміей Карла XII, чтобы спасти Полтаву.

Петръ Великій сталъ стягивать свои войска ближе къ Полтавѣ 19 юня русская армія выступила изъ своего лагеря (у с. Крутой Берегъ) и двинулась вверхъ по Ворсклѣ къ д. Черняхово, и малороссійскія войска, подъ начальствомъ гетмана Скоропадскаго, назначеннаго вмѣсто гетмана Мазепы, должны были прослѣдовать черезъ с. Великія Будища на соединеніе съ главными силами и у деревни Петровки перейти на другую сторону р. Ворсклы. 20 юня они уже были на правой сторонѣ р. Ворсклы и стали въ укрѣпленномъ лагерѣ къ сѣверо-западу отъ деревни Семеновки.

Шведы чувствовали, что приближается рѣшительный моментъ, и ежедневно штурмовали городъ, но безуспѣшно. 22 юня Карлъ XII рѣшилъ штурмомъ взять городъ. Штурмъ продолжался до 2-хъ часовъ ночи и оказался безуспѣшнымъ. Около трехъ часовъ ночи опять шведы пошли на приступъ, со свѣжими войсками, но на защиту города явились женщины, старики, дѣти, кто съ чѣмъ могъ: косы, топоры, камни, колья—все было употреблено на защиту города и въ 4 часа штурмъ кончился такъ же безуспѣшно, какъ и прежніе. Сохранилось, говорить И. Фр. Павловскій, преданіе, что кто-то изъ горожанъ высказалъ мысль о необходимости сдать городъ шведамъ, и за это горожане присудили его къ смерти: приобщенный Св. Таинъ изъ рукъ протопопа, онъ былъ выведенъ изъ храма и убитъ камнями и кольями.

Петръ Великій предполагалъ дать генеральное сраженіе въ день своего ангела, 29 юня, но Карлъ XII предупредилъ Петра Великаго, назначивъ его на 27 юня, о чемъ Петра Великаго узналъ отъ перебѣжчика поляка—25 юня. Тогда же Петръ Великій продвинулъ свои войска еще ближе (на разстояніе 3-хъ верстъ) и расположился лагеремъ на

мѣстѣ нынѣшняго лагеря кадетъ Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса. Передъ фронтомъ лагеря, упиравшагося съ одной стороны въ лѣсъ д. Яковцевъ, съ другой с. Малыхъ Будищъ, была ровная площадь, открытое мѣсто, гдѣ, по приказанью Петра Великаго, сооружены были шесть редутовъ. Вся эта мѣстность, особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги и уничтоженіемъ значительной площади лѣса, нѣсколько измѣнила свою фізіономію. Кромѣ того, возведеніе построекъ (церковноучительской и второклассной школы), вмѣстѣ съ расширеніемъ Сампсоніевскаго храма, возлѣ, такъ называемой, «Шведской» могилы,—высокаго кургана, съ водруженнымъ сверху крестомъ, на мѣстѣ погребенія павшихъ русскихъ воиновъ, придастъ нѣсколько иное освѣщеніе этой когда-то глухой мѣстности, обрамленной вѣковымъ лѣсомъ.

Ко дню сраженія общая численность русской арміи доходила до 42 тысячъ человекъ, а шведской лишь до 27 тысячъ.

Картина сраженія, знаменитаго Полтавскаго боя, очень характерно схвачена Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, отгѣнившимъ нѣкоторыя подробности этого боя, начавшагося въ 2 часа утра 27 іюня 1709 г. легкимъ маніемъ руки Карла XII.

(Окончаніе слѣдуетъ).

В. К.

Епархіальная хроника.

◆ 5 іюня 1909 г. Преосвященнымъ Никодимомъ, Епископомъ Аккерманскимъ, была отслужена панихида по усопшемъ редакторѣ газеты «Другъ», Павлѣ Александровичѣ Крушевнѣ въ 8 час. вечера. На другой день 6 іюня имъ же былъ совершенъ выносъ тѣла въ кафедральный соборъ въ сослуженіи всего городского духовенства.—7 іюня божественную литургію служилъ Преосвящ. Никодимъ, Епископъ Аккерманскій, во время литургіи были возведены въ санъ протоіерея священники Макарій Любовъ и Константинъ Ерхацъ и въ санъ діакона исаломщикъ с. Бырково, Хот. у., Никонъ Георгіевъ Лемни. Рѣчь произнесъ во время запричастнаго стиха протоіерей Михаилъ Чакиръ предъ тѣломъ покойнаго. Послѣ литургіи чинъ отпѣванія совершилъ Высокопреосвященный Аванасій, въ сослуженіи Преосвященнаго Никодима, Епископа Аккерманскаго и всего соборнаго и городского духовенства. Предъ отпѣваніемъ была произнесена рѣчь о. протоіереемъ Николаемъ Лашковымъ, въ которой дана была краткая біографія и характеристика покойнаго.

Послѣ отпѣванія тѣло было предано землѣ въ оградѣ крестовой арх. дома церкви. Того же дня вечеромъ въ 5 час. былъ отслуженъ акаѳистъ Божіей Матери Преосвященнымъ Никодимомъ и въ концѣ акаѳиста была предложена бесѣда имъ же о почитаніи «св. мощей преподобной княгини Анны Кашинской».

Преосвященный Серафимъ, Епископъ Кишиневскій и Хотинскій, участвовавшій въ торжествѣ церковнаго прославленія святой благовѣрной княгини Анны Кашинской, приобрѣлъ образъ этой святой, освятилъ его на мощахъ преподобной, частица которой была вложена въ этотъ образъ. Святыня эта привезена въ Кишиневъ Его Преосвященствомъ для всеобщаго поклоненія и почитанія бессарабской паствы 17 юня съ поѣздомъ въ 8 час. 25 минутъ вечера. Городское духовенство со святыми иконами въ торжественной процессіи прибыло на вокзалъ въ этотъ день и часть для встрѣчи иконы. Принявъ образъ отъ владыки, торжественная процессія прослѣдовала въ кафедральный соборъ. 18 юня въ соборѣ совершена была Ихъ Преосвященствами, Преосвященнѣйшими Епископами Серафимомъ и Никодимомъ, литургія по случаю прибытія святой иконы.

Иноепархіальная хроника церковно-общественной жизни.

◆ Приводимъ интересную въ бытовомъ отношеніи *резольцію* преосвященнаго Никона, епископа Вологодскаго: «Одинъ псаломщикъ пишетъ мнѣ, что самъ видѣлъ, какъ живописецъ, изображая лики святыхъ на стѣнахъ деревенской часовни, чтобы позабавить праздную любопытствующую толпу молодежи, позволялъ себѣ кощунственно называть сіи лики р... и отпускать другія неприличныя по отношенію къ святымъ изображеніямъ остроты. Псаломщикъ справедливо замѣчаетъ, что трудно ожидать отъ молодежи должнаго благоговѣнія къ симъ изображеніямъ и даже послѣ того, какъ они будутъ освящены; при взглядѣ на нихъ ей будутъ вспоминаться эти кощунственныя выходки безбожника-живописца. Посему, нахожу нужнымъ предписать всѣмъ священникамъ по епархіи строго слѣдить за рабочими, какихъ присылаютъ подрядчики-живописцы для расписыванія часовень и храмовъ, дабы они относились къ святынямъ храма, какъ и къ своему дѣлу, съ должнымъ благоговѣніемъ, памятуя примѣры древнихъ благочестивыхъ иконописцевъ, совершавшихъ свой святой трудъ съ постомъ и молитвой; въ случаѣ же обнаруженія фактовъ, подобныхъ вышеуказанному, немедленно удалять отъ работъ такихъ кощунниковъ и просить подрядчи-

ковъ таковыхъ не присылать. Необходимо также обратить строгое вниманіе на торговлю иконами на сельскихъ ярмаркахъ: тутъ нерѣдко можно видѣть продающіяся иконы рядомъ съ бакалейными товарами и даже съ конской сбруей. Иконы раскладываются на землѣ и торговцы перекидываютъ ихъ съ мѣста на мѣсто, какъ ту же сбрую, а при продажѣ расхваливаютъ, подобно цыганамъ, продающихъ своихъ лошадей. Все это глубоко должно оскорблять религиозное чувство православныхъ христіанъ и посему слѣдуетъ просить, чтобы иконы не продавались при такой обстановкѣ, чтобы торговцы священными предметами имѣли для своей торговли особая палатки, гдѣ таковые предметы и были бы располагаемы въ приличномъ видѣ. Долгомъ почитаю еще обратить вниманіе духовенства и на «божницы» въ крестьянскихъ домахъ. Въ какомъ небреженіи содержатся въ нихъ св. иконы! И пыльно, и грязно, и клопы, и тараканы, иногда всякій хламъ за иконами. На многихъ иконахъ и ликовъ уже не видно: такъ они закоптѣли. А инья иконы облупились такъ, что грѣшно ужъ молиться предъ ними. Долгомъ архипастыря почитаю напомнить духовенству, что они первыя отвѣтятъ предъ Богомъ за такое униженіе святыхъ. Стыдно православнымъ, что у нѣкоторыхъ раскольниковъ проявляется больше благоговѣнія къ иконамъ, чѣмъ у именующихъ себя православными⁴. (Волог. Епарх. Вѣд.)

◆ Юхновскій съѣздъ духовенства, Смоленской епархіи, въ цѣляхъ *надлежащаго благоговѣнія къ святымъ со стороны духовенства* постановилъ: «священнослужители не должны входить въ алтарь съ палками, зонтами и въ грязной обуви; во время богослуженія въ алтарь не разговаривать иначе, какъ шопотомъ, и то по нуждѣ; не открывать сѣверныхъ и южныхъ дверей алтаря и катапетамсы, чтобы высматривать народъ, не опираться на престоль и жертвенникъ; не отдавать приказаній кому бы то ни было вслухъ во время богослуженій, тѣмъ болѣе не прерывать его, хотя бы на клиросѣ была допущена ошибка (напр. псаломщикъ запѣлъ бы «Господи воззвахъ» не на тотъ гласъ, или пропѣлъ не тотъ тропарь), но дѣлать указанія незамѣтно, чтобы ошибка не вышла блазною въ глазахъ молящихся; ни діаконы, стоя на амвонѣ, ни псаломщики съ клироса не должны оборачиваться назадъ и разглядывать стоящихъ въ храмѣ; священники со старостами должны принимать всевозможныя мѣры къ прекращенію въ храмѣ разговоровъ и шума, когда идетъ богослуженіе». («Смол. Епарх. Вѣд.»).

◆ Полтавскій епископъ Іоаннъ издалъ по епархіи *указъ о воспрещеніи мірянамъ входить въ алтарь и сидѣть тамъ во время совершенія божественной литургіи*. «Считающія себя привилегированными особы по селамъ и даже городамъ, какъ стало извѣстно, входятъ въ алтарь и пребываютъ даже во время божественной литургіи, часто

безъ разбора важности моментовъ богослуженія, даже возсѣдая тамъ на особо для нихъ поставленныхъ сѣдалищахъ. Священники не рѣшаются или не находятъ нужнымъ замѣтить симъ персонамъ о непристойности такого ихъ самочинія. Посему, обращая вниманіе пастырей на правило 10 Лаодик. соб. («единымъ только освященнымъ позволено входить въ алтарь») и правило 69 VI Всел. соб. («никому изъ всѣхъ, принадлежащихъ къ разряду мірянъ, да не будетъ позволено входить внутрь священнаго алтаря»), напоминаю всѣмъ имъ строго блюсти въ чистотѣ обычай церкви, указанный въ сихъ правилахъ, и гдѣ вкралось его нарушеніе, возстановить оный во всей его чистотѣ, памятуя, что уступка въ подобныхъ случаяхъ влечетъ неуваженіе въ мірянахъ къ святости и неприкосновенности Божію храма и даже алтаря, по преимуществу служащаго селеніемъ славы Божіей». («Полт. Епарх. Вѣд»).

◆ Для подготовки монашествующихъ къ прохожденію церковнослужительскихъ обязанностей Смоленскимъ епархіальнымъ начальствомъ предписано настоятелямъ монастырей, чтобы они съ помощью учителей монастырскихъ школъ и опытныхъ изъ братіи обучали монашествующихъ главнѣйшимъ истинамъ христіанской религіи, главнѣйшимъ событіямъ изъ священной исторіи, богослужебной практикѣ, отчетливому и сознательному чтенію по-славянски и по-русски и письму; при этомъ кандидаты во іеродіакона и іеромонаха предварительно рукоположенія, въ теченіе не менѣе двухъ недѣль, будутъ подвергаться испытанію въ чтеніи, пѣніи и знаніи церковнаго устава въ приписной къ архіерейскому дому церкви и экзамену въ знаніи главнѣйшихъ истинъ христіанской религіи, священной исторіи, чтеніи и писмѣ («Смол. Епарх. Вѣд»).

◆ Извѣстно, что у нашей деревни стремленіе къ свѣту грамоты и потребность внести въ свой жизненный обиходъ книгу въ настоящее время особенно чувствуется. Не одинъ разъ многія изъ взрослыхъ женщинъ Сеславо-Бродницкаго прихода (Влад. губ. и уѣзда) заявляли своему духовному отцу о своемъ задушевномъ желаніи поучиться, чтобы имѣть возможность, хотя на старости лѣтъ, читать Божественныя книги. Идя навстрѣчу столь искреннему желанію своихъ духовныхъ дочерей, мѣстный священникъ о. Г. Быстровзоровъ рѣшилъ *организовать для взрослыхъ женщинъ общія се. въ вечерніе классы*, чтобы обучать здѣсь ихъ грамотѣ, примѣнительно къ программѣ церковно-приходскихъ школъ. На это Епархіальнымъ начальствомъ дано разрѣшеніе, согласно § 24-му Положенія объ управленіи церковными школами. Раздѣлить трудъ пастыря по части просвѣщенія имъ грамотою взрослого женскаго населенія изъявили желаніе его супруга М. А. Быст—ва, учительница школы А. В. Дубенская и псаломщикъ П. Н. Покровскій. Во второе воскресенье Великаго поста о. Б—въ послѣ вечерни предложилъ желающимъ учиться грамотѣ на вечернихъ

классахъ записаться въ особую книгу. На первый разъ записалось 36 женщинъ въ возрастѣ отъ 13-ти до 55-ти лѣтъ. Достоинно примѣчанія, что между записавшимися обучаться грамотѣ нашлись три «старообрядки» поморскаго толка. (Влад. Епарх. Вѣд.)

◆ Тамбовскій епархіальной связи духовенства постановилъ: признать желательнымъ четырехлѣтній курсъ обученія въ церковно-приходскихъ школахъ съ тѣмъ, чтобы 4-й годъ употреблялся, по преимуществу, для наученія дѣтей истинамъ православной вѣры, а также на знакомство ихъ съ отличіемъ вѣры православной отъ ученія раскольниковъ, сектантовъ и иновѣрцевъ. Учителей церковно-приходскихъ школъ обязать посѣщать неотмѣнно богослуженіе вмѣстѣ съ учениками; предоставить приходскому священнику право, въ случаѣ Ѳуклоненія учителей отъ сего, употребить средства, имѣющіяся въ его распоряженіи. Желательно, чтобы распредѣленіе полемическаго и апологетическаго матеріала было и въ школьныхъ учебникахъ русскаго языка, пригласить духовенство епархіи къ выработкѣ таковыхъ пособій. Желательно, чтобы преподаваніе Закона велось ближе къ даннымъ Библии, а не къ учебнику.

◆ Французскій журналъ «Citoyen francoamericain» (франко-американскій гражданинъ) въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ рисуеъ города безъ кабаковъ. Въ одной изъ областей южной Англии съ 231,000 населеніемъ есть множество мѣстечекъ, гдѣ, благодаря вліянію мѣстныхъ землевладѣльцевъ, нѣтъ ни одного кабака. Полиціи тамъ совершенно нечего дѣлать, такъ какъ преступленій почти не бываетъ. Все населеніе этой мѣстности замѣчательно трудолюбиво, хорошо одѣвается, прилично живетъ и всѣхъ своихъ дѣтей посылаетъ въ школу. Въ Шотландіи также не мало городковъ и селеній съ исключительно рыбачьимъ населеніемъ, гдѣ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ произошла громадная перемѣна къ лучшему, благодаря отсутствію кабаковъ. Раньше тамъ было множество кабаковъ и шло почти поголовное пьянство. Рыбаки ранѣе оправдывались тѣмъ, что при ихъ тяжеломъ трудѣ на морѣ во всякую погоду имъ трудно было обходиться безъ алкоголя. Теперь же всѣ кабаки въ этихъ мѣстахъ совершенно уничтожены. Рыбаки, отправляясь на море, берутъ съ собою только чай и кофе. Нравственность въ населеніи возрастаетъ съ каждымъ годомъ, преступления уменьшились до минимума, всюду царитъ полное благосостояніе и благополучіе, вмѣсто прежней нищеты, вѣчныхъ ссоръ, дракъ и разнаго рода преступленій. Нищихъ нѣтъ, поэтому существовавшая тамъ раньше налогъ на бѣдныхъ, теперь отмѣненъ. Словомъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ, тамъ мирное, тихое, сытое и довольное житье, т. е. полная противоположность тому, что наблюдается въ мѣстахъ, гдѣ развито пьянство. (Совр. Лѣт. Екатерин. Еп. Вѣд. № 15 т. г.

Извѣстія и замѣтки.

Къ 200-лѣтію Полтавской битвы.

По поводу предстоящаго въ іюнѣ нын. года празднованія 200-лѣтія славной Полтавской побѣды, Св. Синодомъ постановлено сдѣлать распоряженіе, чтобы 27 іюня 1909 г. въ день празднованія во всѣхъ храмахъ Имперіи совершены были: наканунѣ—всенощныя бдѣнія, а въ самый праздникъ торжественныя литургіи съ возглашеніемъ заукойной ектеніи въ установленное время съ поминovenіемъ Императора Петра Перваго и всѣхъ павшихъ въ Полтавскомъ бою вождей и воиновъ, съ пастырскимъ поучительскимъ словомъ и съ благодарственнымъ послѣ литургіи молебствіемъ, на коемъ послѣ перваго Царскаго многолѣтія възгласить вѣчную память Императору Петру Первому и павшимъ въ Полтавскомъ сраженіи вождямъ и воинамъ, и послѣ сего заключительныя многолѣтія: христолюбивому воинству и Богохранимой державѣ Россійской; въ г. Полтавѣ разрѣшить празднованіе означеннаго событія по особому церемоніалу, поручивъ преосвященному митрополиту Кіевскому ко дню 26 іюня прибыть въ г. Полтаву для совершенія торжественныхъ богослуженій, а преосвященному Полтавскому пригласить къ торжествамъ, по его усмотрѣнію, и другихъ архипастырей Русской Церкви, особенно изъ сосѣднихъ съ Полтавской епархіей; поручить протопресвитеру военнаго и морского духовенства возбудить ходатайство о построеніи особаго, вмѣстительнаго храма для войсковыхъ частей, стоящихъ въ г. Полтавѣ.

Въ С.-Петербургѣ, по распоряженію Св. Синода, будутъ совершены 26 іюня въ Петропавловскомъ соборѣ митрополичьимъ служеніемъ заукойная литургія и панихида по Императорѣ Петрѣ Первомъ и его боевымъ сподвижникамъ, и 27 іюня торжественная литургія и благодарственное молебствіе митрополичьимъ же служеніемъ въ Сампсоніевскомъ храмѣ на Выборгской Сторонѣ, сооруженномъ Императоромъ Петромъ Великимъ въ память Полтавской побѣды, и вмѣстѣ—торжество 200-лѣтія со дня основанія храма; торжественные молебны будутъ совершены также въ Лѣтнемъ саду, передъ памятникомъ Петра Великаго, въ Адмиралтействѣ и въ часовнѣ Спасителя на Петербургской Сторонѣ, всюду съ провозглашеніемъ установленныхъ многолѣтій и вѣчной памяти Императору Петру Первому и его боевымъ сподвижникамъ.

Прочія подробности празднованія въ столицѣ Св. Синодомъ представлены усмотрѣнію преосвященнаго митрополита Спб., по выработкѣ ихъ особою комиссіею по реставраціи храма св. Сампсонія на Выборгской Сторонѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Св. Синодъ постановилъ ко дню юбилея доставить въ г. Полтаву изъ ризницы Успенскаго московскаго собора тотъ крестъ,

который был на груди Императора Петра Великого во время боя и въ который ударила пуля, не причинившая поэтому вреда Государю, черезъ особое духовное лицо изъ Москвы.

Хозяйственному при С. Синодѣ Управленію поручено войти въ сужденіе по предложеніямъ, соединеннымъ съ отпускомъ денежныхъ средствъ.

ЦЕРЕМОНИАЛЬ

торжественныхъ богослуженій и крестныхъ ходовъ въ юнѣ мѣсяцѣ 1909 г., по случаю празднованія двухсотлѣтія Полтавской побѣды въ г. Полтавѣ.

25 юнія (четвергъ). Въ пять часовъ пополудни совершается всенощное бдѣніе по парастасу архіерейскимъ служеніемъ въ полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ и въ Сампсоніевской церкви, что на полѣ Полтавской битвы; всенощныя по парастасу совершаются и во всѣхъ храмахъ гор. Полтавы.

26-е (пятница). Въ Сампсоніевской церкви на полѣ Полтавской битвы совершается заупокойная литургія по Императорѣ Петрѣ 1 и павшихъ въ Полтавской битвѣ вождяхъ и воинахъ архіерейскимъ богослуженіемъ. Начало литургіи въ 10 ч. утра.

Такая же литургія архіерейскимъ служеніемъ совершается и въ церкви Спаса-Нерукотвореннаго образа въ 8 ч. утра; заупокойное богослуженіе совершается и во всѣхъ храмахъ г. Полтавы.

Къ 10 ч. утра со всѣхъ церквей г. Полтавы, кромѣ Покровской на Павленкахъ и Троицкой на Сѣ.ной площади, крестные ходы прибываютъ къ Спасской церкви и отсюда въ 10 час. утра, во главѣ съ совершавшими въ Спасской церкви литургію епископомъ, при участіи 45 священниковъ-депутатовъ епархіальнаго духовенства, къ этому дню вызываемыхъ въ Полтаву, открывается крестный ходъ на поле Полтавской битвы къ могилѣ воиновъ для совершенія здѣсь панихиды. Крестный ходъ сопровождаютъ въ качествѣ пѣвчихъ 1000 учениковъ церковныхъ школъ г. Полтавы, во главѣ съ воспитанниками церковно-учительской школы, что около Шведской могилы.

Порядокъ и путь крестнаго хода. По отпускѣ литургіи, полагается начало молебнаго пѣнія Спасителю и Богоматери. По «Богъ Господь» съ пѣніемъ тропарей и выходъ изъ храма. Впереди крестнаго хода фонарь и запрестольный крестъ, а за ними кресты, которые будутъ принесены изъ другихъ церквей, попарно, и хоругви по сторонамъ крестнаго хода, одна противъ другой, на указанномъ разстояніи; учащіеся церковно-приходскихъ школъ по 6 въ рядъ (впереди дѣвочки, а затѣмъ мальчики) и учащіеся другихъ школъ г. Полтавы, если они явятся псаломщики всѣхъ городскихъ церквей въ стихаряхъ, по 4 въ рядъ; ар-

хіерейскіе пѣвчіе въ парадныхъ кантушахъ по 4 въ рядъ; діаконы, священники, протоіереи и архимандриты, по два въ рядъ, младшіе впереди, одинъ изъ представителей города съ иконой Спасо-Нерукотвореннаго Образа и кто-нибудь изъ чиновъ военного вѣдомства съ иконой Каплуновской Богоматери (копія) и два старшіе изъ сослужащихъ протоіереевъ или архимандритовъ съ крестомъ и Евангеліемъ; два иподіакона съ дикиріемъ и трикиріемъ и преосвященный епископъ, имѣя съ правой стороны протодіакона, а съ лѣвой посошника; за нимъ депутаціи, представители администраціи и города, начальствующіе учебныхъ заведеній, должностныя лица военного и гражданскаго вѣдствъ; оркестръ музыки, войска и богомольцы.

Во время крестнаго хода совершается звонъ во всѣхъ городскихъ церквахъ, пока приблизится ходъ къ чертѣ города, а въ Павленской церкви, пока выйдутъ въ открытое поле.

Во время шествія архіерейскіе пѣвчіе, псаломщики и хоръ учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ по очереди поютъ на всемъ пути молебныя напѣвы Спасителю и Богоматери, а также ирмосы «Твоя побѣдительная десница» и Богородичныя догматы 8 гласовъ. На перемѣну поющихъ играетъ оркестръ военной музыки.

Крест. ходъ направится по Александровской улицѣ, Александровскій площади — мимо дворянскаго собранія и губернаторскаго дома и опять Александровскою улицею черезъ Сѣнную площадь по Кременчугской ул.; противъ Покровской на Павленкахъ церкви своевременно выйдутъ навстрѣчу священники Троицкой и Павленской церквей и народъ съ хоругвями и присоединяются къ общему крестному ходу, слѣдующему по Зѣньковскому тракту до самаго поворота, на 4-й верстѣ, къ Сампсоніевской церкви. При вступленіи на церковный Сампсоніевскій погостъ, навстрѣчу крестному ходу (при томъ крестный ходъ необходимо подогнать къ окончанію литургіи) выйдутъ совершавшіе литургію, во главѣ съ епископомъ, и всѣ вмѣстѣ направляются къ могилѣ воиновъ, гдѣ по занятіи указанныхъ мѣстъ и совершается торжественная панихида. Въ крестномъ ходѣ принимаютъ участіе о.о. депутаты епархіальнаго съѣзда и о.о. уѣздные протоіереи.

Ровно въ 6 часовъ пополудни совершается торжественная всенощная въ кафедральномъ соборѣ архіерейскимъ служеніемъ. Такая-же всенощная совершается и въ Сампсоніевскомъ храмѣ на Полтавскомъ полѣ. Въ церкви Спаса Нерукотворнаго Образа совершитъ всенощное военное духовенство, въ городскихъ храмахъ мѣстное духовенство, при участіи о.о. депутатовъ епархіальнаго съѣзда и уѣздныхъ о.о. протоіереевъ.

27-го (суббота). Въ Сампсоніевскомъ храмѣ, что на полѣ Полтавской битвы, совершается епископами торжественная литургія. Звонъ къ литургіи въ 9 ч. утра. Въ Спасской церкви г. Полтавы совершается литургію военное духовенство, а въ приходскихъ храмахъ мѣстное духовенство, при участіи о.о. депутатовъ епархіальнаго съѣзда, въ 8¹/₂ ч. утра. Къ 11 часамъ утра все духовенство собирается въ Сампсоніевскую церковь на Полтавскомъ полѣ, по окончаніи литургіи въ которой совершается крестный ходъ по указанному прежде порядку къ войскамъ (мѣсто будетъ своевременно

опредѣлено) для совершения благодарнаго Господу Богу молебствія, съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, вѣчной памяти Императору Петру I и всѣмъ вождямъ и войнамъ, животь свой въ Полтавской битвѣ положившимъ, и многолѣтія богохранимой Державѣ Россійской и всему христіюлюбивому воинству. Послѣ второго многолѣтія совершается епископомъ окропленіе войскъ св. водою, по окончаніи котораго крестный ходъ возвращается къ Сампсоніевскому храму. Въ 3 часа, по звону колокола, всѣ участники крестнаго хода немедленно собираются къ Сампсоніевскому храму, занимають свои мѣста и по прежде писанному порядку крестный ходъ опять съ тысячными хорами учениковъ церковныхъ школъ направляется въ г. Полтаву къ памятнику побѣды (въ кругломъ или корпусномъ саду), гдѣ возглашаются многолѣтіе и вѣчная память, какъ и при молебнѣ на Полтавскомъ полѣ, и окропленіе памятника, и затѣмъ крестный ходъ направляется въ соборъ.

Примѣчаніе 1-е. Точно время молебствія на Полтавскомъ полѣ, равно какъ и обратнаго крестнаго хода, будетъ установлено по соглашенію съ военнымъ вѣдомствомъ.

Примѣчаніе 2-е. Прибывшіе изъ Полтавы священнослужители могутъ облачиться до окончанія литургіи и занять свои мѣста у западныхъ дверей Сампсоніевского храма. Равно какъ крестоносцы, хоругвеносцы, учащіеся и псаломщики становятся на мѣста, заранѣе указанныя, заблаговременно до окончанія литургіи и начала крестнаго хода.

Въ 6 часовъ вечера, а если крестный ходъ запоздаетъ, то позже, совершается во всѣхъ храмахъ г. Полтавы воскресная всенощная.

28-е (воскресенье). Такъ какъ по нѣкоторымъ историческимъ данымъ Императоръ Петръ I прибылъ послѣ битвы въ Полтаву 28 только, то и въ этотъ день совершается епископомъ въ кафедральномъ соборѣ торжественная литургія и по окончаніи ея крестный ходъ къ памятнику, что у Спасской церкви, для совершения молебствія. Порядокъ прежній. Крестный ходъ возвращается въ кафедральный соборъ и этимъ заканчиваются церковныя юбилейныя торжества. Въ этотъ день въ церковно-учительской школѣ, что у Шведской могилы, и по аудиторіямъ при городскихъ церковныхъ школахъ произносятся чтенія для народа о Полтавской побѣдѣ съ туманными картинами, устраиваются литературныя утра, съ участіемъ хоровъ и проч. Народу раздаются листы и брошюры, выясняющіе значеніе праздника.

По порученію Синода, долженъ прибыть къ 26-му высокопреосвященный митрополитъ кievскій и будутъ приглашены нѣкоторые епископы сосѣднихъ епархій (П. Г. В.).

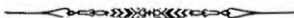
Студенческая пѣшеходная экскурсія.

31 мая въ 2 часа дня, на пароходѣ Р. о. п. и. т. изъ Одессы выѣзжаетъ группа студентовъ естественниковъ и ботаниковъ Новороссійскаго университета для экскурсіи по Крыму. Экскурсанты высалятся въ гор.

Севастополь, а оттуда пойдуть пѣшкомъ черезъ Херсонесь, Ялту, Ай-Гурзувъ, Алушту, Чатырь-Дагъ, Ай-Петри до гор. Бахчисарая. Весь этотъ путь, приблизительно около 400 верстъ, предположено пройти въ 36 дней, а затѣмъ изъ Бахчисарая экскурсанты возвратятся по желѣзной дорогѣ до Севастополя, а оттуда въ Одессу. Главная цѣль этой экскурсії — изслѣдованіе крымскихъ пещеръ и ботаническое обозрѣніе на горныхъ частяхъ Крыма. Правленіе Крымско-Кавказскаго горнаго клуба снабдило экскурсантовъ массой приборовъ и палатками, а также оказываетъ содѣйствіе по пріисканію пунктовъ для ночлега и по заготовленію провіанта въ пути. Экскурсанты запаслись фотографическими аппаратами для снятія точныхъ плановъ всѣхъ горизонталей знаменитой большой пещеры, носящей названіе №3, открытой въ 1905 году проф. Зайцевымъ, но не изслѣдованной до сихъ поръ. Кромѣ этой крайне интересной работы, экскурсанты рѣшили добиться окончательнаго изслѣдованія трудно-доступной къ осмотру пещеры въ мѣстности Мангубъ Кале, неоднократно и безрезультатно изслѣдуемой извѣстнымъ изслѣдователемъ Крыма д-ромъ Дмитріевымъ, который въ послѣдній разъ проползъ по ней около 150 саж. и возвратился обратно, не найдя конца. Результаты этого осмотра крайне интересны въ научномъ отношеніи, такъ какъ они могутъ разрѣшить спорный въ настоящее время вопросъ по поводу происхожденія этой пещеры — является-ли она потайнымъ подземнымъ ходомъ, или образовалась отъ протоковъ воды.

Группа ботаниковъ предполагаетъ заняться сборомъ дико растущихъ травъ. О результатахъ этой экскурсії экскурсанты сдѣлають сообщенія въ Крымско-Кавказскомъ горномъ клубѣ и въ обществѣ естествоиспытателей (Одесскій листокъ № 123 т. г.).

По поводу этой экскурсії считаемъ долгомъ замѣтить, что это явленіе, замѣчаемое въ послѣдніе годы, весьма симпатично: учащіеся начинаютъ интересоваться своей родиной. Въ Финляндіи подобныя экскурсії для изученія родныхъ палестинъ — самое обычное явленіе; онѣ имѣютъ высокое воспитательное значеніе, въ смыслѣ развитія въ учащихся любви къ родинѣ. Въ послѣднее время и Бессарабія начинаетъ привлекать вниманіе ученыхъ геологовъ. По недавнимъ извѣстіямъ газетъ, геологической комитетъ въ Петербургѣ командировалъ профессоровъ-геологовъ Новороссійскаго университета Владиміра Георгіевича Ласкарева и Юрьевскаго университета Георгія Павловича Михайловскаго для *геологическихъ изслѣдованій* Бессарабіи.

Редакторъ, преподаватель духовной семинаріи
Василій Курдиновскій.

Печатать дозволяется. Кишиневъ. 21-го іюня 1909 года.
Цензоръ д. с. с. Андрей Пархомовичъ.
